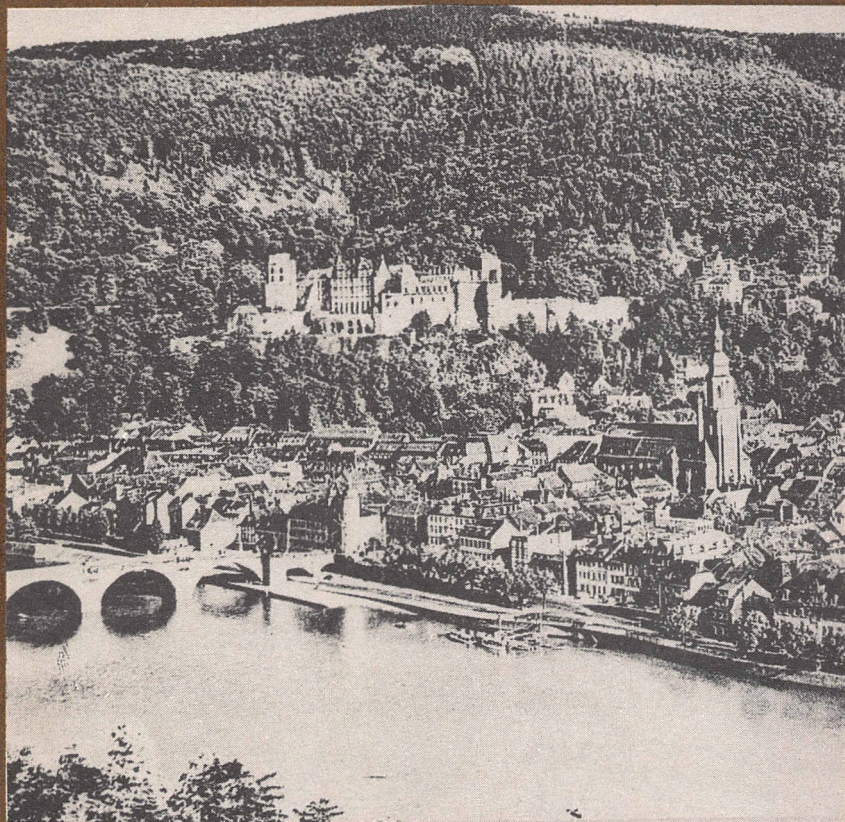

Мандельштамовское общество

Павел Нерлер

Осип Мандельштам В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ

Арт-Бизнес-Центр

Записки Манделъштамовского общества

Том 3

Москва
1994

Мандельштамовское общество

Павел Нерлер

**ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ**

Арт-Бизнес-Центр
Москва
1994

Настоящая книга посвящена пребыванию Осипа Мандельштама в 1909-1910 годах в Гейдельберге, где он учился на романо-германском отделении университета. Это время значительно для поэта не только прослушанными им лекциями и участием в семинарах, но и написанными здесь стихами.

Книга продолжает издательскую серию “Записки Мандельштамовского общества“, начатую сборником “Сохрани мою речь...” (М.: Обновление, 1991. Вып.1) и книгой Н.Е.Штемпель “Мандельштам в Воронеже“ (М.: Мандельштамовское общество, 1992). И, хотя на указанных изданиях номера томов серии не были обозначены, мы сочли возможным подчеркнуть отмеченную преемственность обозначением этой книги как третьего тома в серии.

ISBN 5-7287-0107-8

- © П. Нерлер, текст
- © М. Шамота, художественное оформление, 1994
- © Мандельштамовское общество, Арт-Бизнес-Центр, составление, оформление, 1994

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*С душою прямо геттингенской...
А.С.Пушкин*

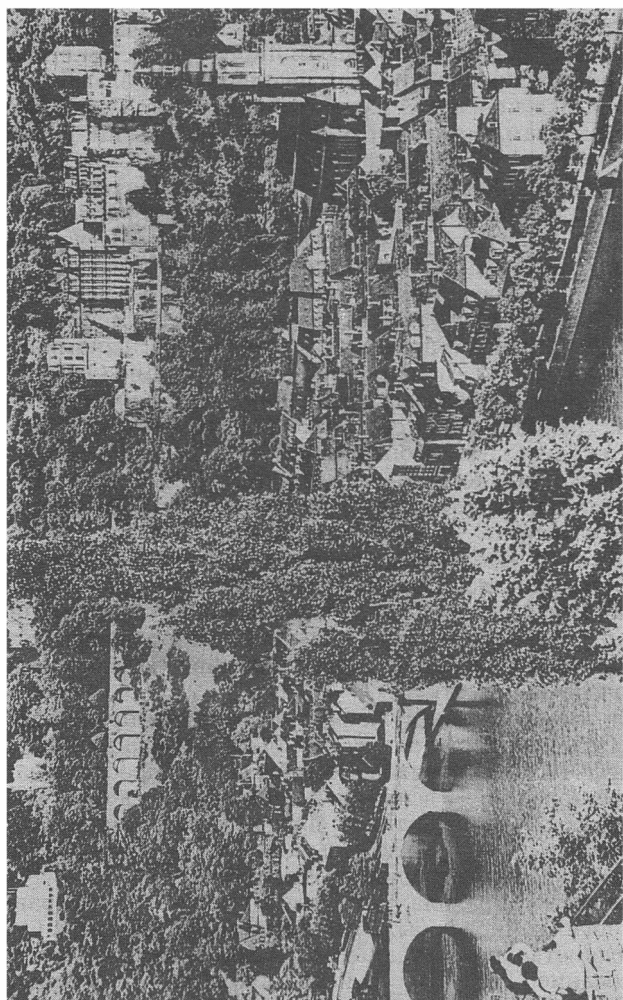
Если не считать Дерптского (Юрьевского) университета, устроенного по "немецкому" образцу, то до начала XVIII века университетов в России не было. Лишь в 1755 году стараниями фрейбургско-марбургского школяра Михайлы Ломоносова открылся первый университет в Москве. Опоздавшей с университетами на три-четыре столетия, России потребовалось еще лет 150, чтобы примириться с самой мыслью об их автономии, ни на секунду при этом не расставаясь с побуждением одновременно и всесторонне ее ограничивать.

Так, в 1865 году, при Александре Втором Освободителе введены были непременные вступительные экзамены по латыни и древнегреческому. Александр Третий пошел дальше, ужесточив контроль и повысив плату за обучение; его же эпохе обязаны мы и примерными учебными планами и государственными экзаменационными комиссиями. С царствования Николая Второго над зарвавшимся студенчеством зависла действительная угроза сменить университетскую скамью на солдатскую казарму: монарший ответ на студенческие волнения, прокатившиеся по России в 1887-1890 годах. До 1905 года и студенты и профессора носили особую униформу, женщин — еще чего! — не принимали.

Для еврейских юношей поступление в университет с 1887 года регулировалось пресловутой трехпроцентной нормой, а так как недостатка в евреях-медалистах не было (их принимали без конкурса), дорога в российский университет для немедалистов была практически заказана (впрочем, оставалась лазеечка: креститься).

При этом даже заслуженное родителями право селиться вне черты оседлости отнюдь не было наследным, каждому еврейскому юноше приходилось решать эту проблему заново. "Общее правило, — вспоминал один русско-еврейский "гейдельбержец", — было такое: дочери могли жить со своими родителями до замужества, сыновья же — только до совершеннолетия, т.е. до двадцати одного года..."¹

При таких "правилах игры" желание учиться за границей для многих и многих было не капризом, не шиком, а чуть ли не единственной реальной возможностью получить образование. Тысячи российских юношей — и добавим: десятки девушек — брали заграничные паспорта, аттестаты зрелости и родительские благословения (кое-где требовалось и такое) и покупали билет до университетских городков Швейцарии, Германии, Франции...

ГОРОД

*Ночи напролет бродя по горам Гейдельберга,
смотрел я, бывало, на летящую под облаками
луну, на переливающийся огнями
сизо-туманный город подо мною
с его мостами и башнями...
Ф. Степун²*

*Край небритых гор еще неясен...
О. Мандельштам³*

Сильная, упругая река, высокие, всхолмленные, буком поросшие берега, старинный замок на одном и живописные развалины на другом, гармоническое нагромождение зданий в низине, сплетенная из них паутина улиц.

Особенно прекрасен город в утренний час, когда опаздывающее из-за близких гор солнце разгоняет сгустившийся за ночь туман. Тишину же разгоняют колокола и трамваи, да разве что перекинутся друг с другом парой громких приветствий встречные катера и груженные лесом баржи. Вот как описывает первое впечатление от Гейдельберга Федор Августович Степун: "После страшного ночного Берлина приветливый утренний Гейдельберг показался мне прелестною, сказочно идиллией... Направо от меня возвышались подернутые легким туманом Оденвальдские горы. Среди них живописно гнездились знаменитый Гейдельбергский замок со своей древней круглой башней. Налево быстро нес свои глинистые воды широкий от долгих дождей Неккар, перехваченный старинным горбатым мостом. По параллельной Неккару главной улице неторопливо катился маленький открытый трамвайчик. Через новый мост у вокзала пыхтел совершенно игрушечный паровозик с двумя такими же игрушечными вагончиками. Среди красных черепичных крыш тесного города возносилась в перламутровое небо готическая башня собора"⁴.

В городе театр, симфоническое общество, что-то еще и еще, но главное — университет. Впрочем, о Марбурге, Тюбингене, Гейдельберге не говорят, что в них есть (*sie haben*) университет, о них говорят, что каждый из них, собственно, и есть (*sie sind*) университет. Эти города никогда не отделяли себя от своей ученой ипостаси; сдача комнат внаем и кормление студенчества долго были чуть ли не единственными источниками доходов горожан, и никакой профессор не мог пройти по улице без того, чтобы не приходилось отвечать на приветствия всех без исключения прохожих.

В праздники — а они тут не редкость — весь город пестрел разноцветными флажками, целые гирлянды флажков висели между домами на противоположных сторонах узеньких улочек и скрипели при порывах ветра. Студенты, разбитые на корпорации (в основном по земляческому при-

знаку: например, "Тюрингия" или "Боруссия"⁵) дружно враждовали: они носили разноцветные костюмы и шапочки, ленты, знамена, даже шпаги и рапиры!⁶ — чем немало способствовали той карнавальности, что так прочно утвердилась в городе. Летом бывал особенный праздник — "итальянские ночи", когда к флажкам добавлялись столь же пестрые фонарики, а город — под отовсюду гремевшую музыку — весь поголовно танцевал!

"...Очень дружелюбный и чистый город — такой чистый, что о галошах здесь и не заговаривают, — писал о Гейдельберге родителям 13/25 ноября 1859 года Александр Порфирьевич Бородин, двадцатипятилетний студент-химик и будущий автор "Богатырской симфонии". — ...Погода чудесная, и все ходят в легких пальто, головные уборы здесь ни к чему; окна весь день можно держать открытыми, а на ивах совершенно зеленые листья, и, что совершенно невероятно, цветут на открытом воздухе розы"⁷.

Иностранцы, и русские в том числе, держались больше друг друга, с немцами почти не соприкасались. Бородин, например, находил их невыносимыми, напыщенными; с легким сарказмом описывал он домашним обычную ситуацию: если занесет вас вдруг нелегкая в какое-нибудь немецкое семейство, где — Боже правый! — подросли дочки, и если вы присели с одной из них к роялю и сыграли что-нибудь простенькое в четыре руки, то назавтра все на вас глядят уже не иначе как на законного жениха. Общество немцев-студентов он находил и того хуже — шумная, крикливая братия в сапогах необъятных размеров, пьяницы и дуэлянты, разбившиеся на группки с непременно каким-нибудь отличием в цвете шарфа или шляпы. Поводом же для дуэли служило, как правило, такое страшное оскорбление, как: "Ну ты, неумный мальчишка!.." И так, настаивал Бородин, испокон веку.

Впрочем, к чести Бородина, еще меньше щадил язвительный химик своих соотечественников. Он различал среди них две неравные группы: первые что-то делали, например ходили на лекции, вторые — не делали ничего. И даже Иван Сергеевич Аксаков, славянофил из славянофилов, под впечатлением факельного шествия в честь одного профессора — точно в таком же виде оно могло состояться и 200 и 300 лет назад — писал из Гейдельберга домой о том, как недостает русским этой немецкой почтительности и уважения к традиции⁸.

В действительности русское общество уже тогда было расколото и еще по одному признаку — политическому. "Правые", консерваторы, поддерживали правительство, в том числе и в польском вопросе; "левые", радикалы, или "красные", не жаловали самодержавие, боготворили Герцена и записывались добровольцами на защиту восставшей Польши или в отряды Гарибальди. Именно они устроили осенью 1861 года

"кошачий концерт" Евфимию Васильевичу Путятину — но не как прославленному вице-адмиралу, герою гончаровского "Фрегата "Паллада", а как временщику-министру (народного просвещения!), только что запретившему студенческие корпорации и закрывшему часть российских университетов⁹.

Именно в "левой" среде и зародилась, а в конце 1862 года осуществилась идея собственного клуба, места, где можно было бы собираться и спорить, листая как российские "Ведомости", так и лондонский "Колокол" и другую запрещенную литературу.

Таким местом и стала русская читальня, получившая со временем название Пироговской. Собственно, ни основателем, ни попечителем этого заведения знаменитый русский военный хирург не был¹⁰. Но уважение студенчества — как правого, так и левого — снискал, и еще добрых полвека его имя почтительно повторялось в названии гейдельбергской русской читальни.

Вначале читальня размещалась в двух комнатах при кондитерской фрау Хелверт, в доме 52 по тихой университетской улочке Плецк. Назначение читальни было сформулировано в ее уставе так: "Предоставить членам возможность знакомиться с известиями о России и русской литературе посредством приобретения русских периодических изданий книг, а также иностранных книг, в коих повествуется о России"¹¹. На складчину русских колонистов поступали сюда газеты, журналы, книги, а поначалу — в 1864 году — краткое время издавался сатирический журнальчик, точнее периодический листок, залетевший даже на страницы тургеневского романа "Дым"¹².

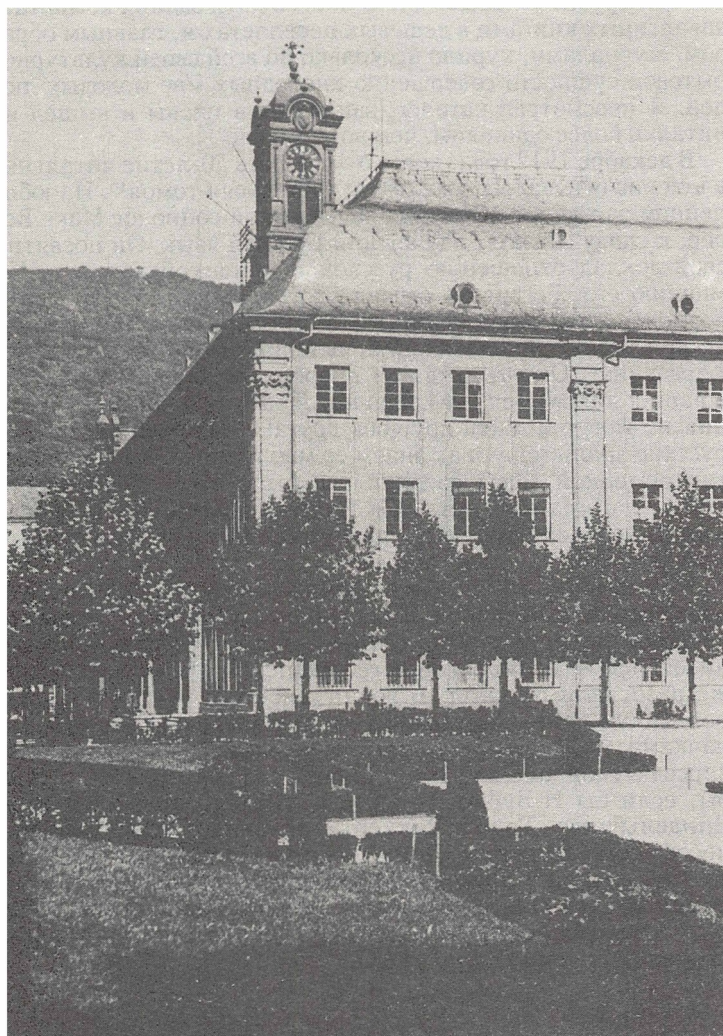
Состояние читальни в середине 1880-х годов описывает известный юрист Г.Б.Слиозберг: "Русские студенты встречались в читальне, помещавшейся на одной из главных улиц в нанятой комнатке. Ею управлял какой-то комитет, которого мы, студенты, никогда и не видели. Двери этой читальни были денно и ночью открыты, какая-то невидимая рука — редко — убирала эту комнату и стирала пыль с книг; студенты же, кто мог, делали кое-какие взносы на содержание библиотеки, на выписку журналов, — большинство последних, впрочем, получалось бесплатно. Бюджет библиотеки был весьма ничтожный: 100 или 150 марок в месяц"¹³.

Позднее библиотека, кажется, переехала. Во всяком случае Ф.Степун пишет о мансарде темноватого трех- или четырехэтажного дома на Мерцгассе (внизу даже вывеска на русском языке висела!). Наткнувшись на вывеску случайно и решив посмотреть, "что за читальня и что за народ в ней читает", он вынес из своего первого посещения "читалки" не самое лучшее впечатление: "В небольшой комнате, небрежно увешанной портретами русских писателей и "борцов за свободу", сидели, осторожно шурша тонкой бумагою конспиративных изданий,

какие-то сплошь хмурые люди. Никакого привета себе как русскому я в быстрых, исподлобья брошенных на меня взорах, не почувствовал. Прочтя на двери, ведущей в соседнюю комнату, надпись: "Правление, часы приема такие-то", я постучался и тут же услышал "Herein!"¹⁴. В двух задних комнатах, заваленных книгами в дешевых переплетах и, главным образом, журналами, курило несколько по всей своей культурно-бытовой сущности совершенно инородных мне молодых людей. Я просмотрел каталог, записался в члены и вышел из читалки более одиноким, чем вошел в нее"¹⁵.

В декабре 1912 года, когда отмечалось 50-летие читальни, в ней насчитывалось уже около трех тысяч томов¹⁶. На юбилейном заседании выступил знаменитый социолог Макс Вебер, к слову сказать, изучавший русский язык. Он посвятил свой доклад отношению русской и немецкой культур. По мнению его, Россия — страна неограниченных размеров и возможностей, страна гигантских, словно бы другой исторической эпохе принадлежащих, явлений (Толстой, Шалапин, Карсавина). Он утверждал и пророчествовал: "Wir sind auf einander angewiesen auf Leben und Tod!" — "Россия и Германия не могут и жить друг без друга!.. Ах, если бы только русские знали меру, как знаем ее мы, немцы! Если бы понятие немецкой меры соединилось бы с русской безмерностью, — тогда наступила бы гармония, которая бы спасла мир. В противном случае, наша цивилизация и культурный мир погибнут от дисгармонии!"¹⁷

Но гармония так и не наступила. Нагрянула первая мировая война, и читальня пала одною из несчетных ее жертв: ее закрыли, переведя по сути — наравне с большинством читателей — на положение гражданской пленницы. Книги же разослали по лагерям военнопленных русских офицеров. После войны, когда книги стали возвращаться целыми пачками, их, не разбирая, складывали в сыром подвале университетской библиотеки. Известно, что с ними стало бы, если бы Н.Бубнов — старый гейдельбержец, ученик Виндельбанда, Тоде и Риккерта, товарищ Степуна по философскому журналу "Логос" — не возродил бы читальню со всем ее инвентарем как ядро Института славистики!¹⁸ В конце концов ее некогда внушительные фонды — точнее, то, что от них осталось — легли на стеллажи университетской библиотеки Гейдельберга¹⁹.

УНИВЕРСИТЕТ

*Гейдельберг того времени был Меккой, куда
стремилась... русская учащаяся молодежь,
преимущественно натуралисты
А.К.Тимирязев²⁰*

Имени Его Высочества великого герцога Баденского Рупрехта Карла университет — Ruperto Carolina — в Европе один из старейших. Он был основан означенным лицом в 1386 году; старше его лишь университеты Праги (1348), Кракова (1364), Вены (1365) и Фюнфкиршена (Венгрия, 1365).

По размерам он относился к числу средних (число студентов в 1883 году впервые перевалило за тысячу, а в летний семестр 1908 года — за две тысячи; впрочем, зимние семестры всегда были малолюднее летних²¹), по научным традициям и силам — к числу ведущих. Профиль университета: юриспруденция, медицина, естественные науки с математикой, философия и теология.

Начиналось все, естественно, с богословия. В XIX веке гремели имена естественников во главе со знаменитым химиком Бунзеном, было немало известных философов, но по числу записавшихся студентов долгое время первенствовал юридический факультет. В начале нашего века — ненадолго — лидерство захватил факультет философский (учеба Мандельштама пришлась как раз на этот промежуток), с тем чтобы вскорости пропустить вперед медицину.

В тот год, когда Мандельштам приехал в Гейдельберг, во главе университета стоял известный философ Вильгельм Виндельбанд; он был проректором (ректором по традиции считался очередной великий герцог). Вильгельму Виндельбанду выпала честь быть президентом Третьего философского конгресса, прошедшего в Гейдельберге ровно за год до приезда туда Мандельштама — в сентябре 1908 года²². Деканами факультетов — теологического, юридического, медицинского, философского и естественно-математического — были, соответственно, профессора Г.фон Шуберт²³, Г.Елинек²⁴, К.Менге²⁵, Ф.Болль²⁶ и Куртиус²⁷.

Гейдельберг — северная окраина Баденского герцогства, и университет географически был как бы нацелен на земли соседей. Студенты из Гессена, Пруссии и других частей Германии составляли здесь зримое — не менее трех четвертей — большинство. От 10 до 15 процентов приходилось на чужестранцев, из них около половины составляли выходцы из Российской империи (далее следовали швейцарцы и граждане Австро-Венгрии).

Среди российских студентов существовало примечательное расслоение. Если взять для примера данные зимнего ("мандельштамовского") семестра 1909/1910 года, то увидим, что из 105 студентов 37 учились на медицинском,

36 — на юридическом, 19 — на естественно-математическом, 11 — на философском и 2 — на теологическом. При этом чуть ли не две трети их числа составляли юноши из еврейских семей, и лишь процентов по 10 приходилось на русских, поляков и прочих (главным образом прибалтийских немцев). Подавляющее большинство евреев записывались на медицинский и юридический, десятая часть — на естественно-математический и лишь считанные единицы — на философский (в "мандельштамовском" семестре ими были он сам и еще братья Штейнберги). Симпатии собственно русских, поляков и "прочих" распределялись между всеми факультетами, кроме теологического и камерального, примерно поровну.

Подчеркнем, что все это был почти исключительно "мужской контингент". И хотя, в отличие от нынешних времен, женщин среди студентов почти не было, все же именно с Гейдельбергом и именно с российскими подданными связаны революционные сдвиги в этом довольно нелепом положении. Чтобы сломить вяловатое перед таким напором сопротивление университетского сената, потребовались приезд (весной 1869 года) и энергия двадцатилетней русской провинциалки из Палибино, что под Витебском, — небезызвестной Софьи Ковалевской. Сначала, в порядке исключения и с согласия немецкого профессора (а такой нашелся), сенат разрешил зачислить ее слушательницей естественно-математического факультета²⁸, а с 1891 года на этом и с 1895 и 1899 на философском и на теологическом факультетах такое разрешение уже и не требовалось; в 1900 году — впервые в истории германских университетов — был снят запрет и на имматрикуляцию женщин (а заодно и на право писать и защищать диссертации). В результате доля женщин в числе студентов составила в 1903 году около трех, а в 1914 — уже десять процентов.

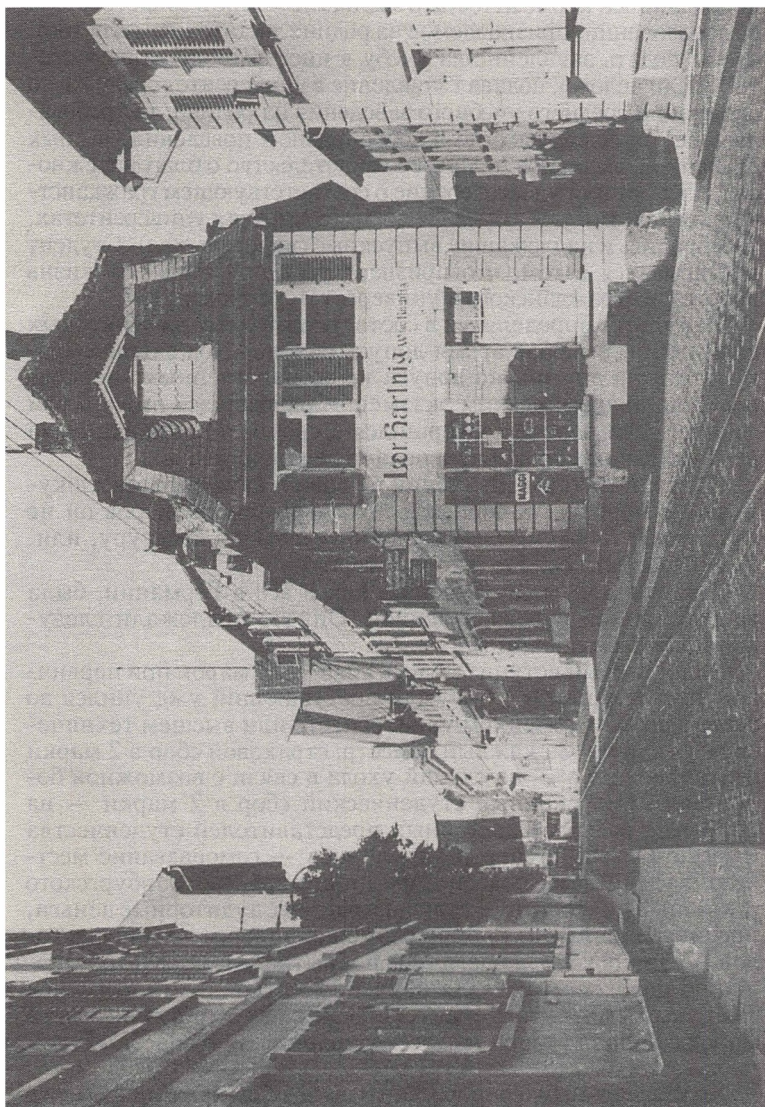
Если в российских университетах экзамены — вступительные и выпускные — были своего рода повинностью, горнилом, средством отбора, то в германских — напротив, честью, ибо надобны были лишь тем, кто двигался вверх по академическим ступенькам (намеревался писать и защищать диссертацию).

Учеба разбивалась на два семестра: летний и зимний. Летний начинался 15 апреля и кончался 15 августа, зимний — соответственно 15 октября и 15 марта.

Впрочем, поступить можно было и месяцем позже — срок подачи матрикулов, то есть заявлений о приеме, истекал, например, в зимнем семестре 18 ноября²⁹.

Какою была сама процедура имматрикуляции?

Непременное условие — личное присутствие претендента в студенты. В университетской канцелярии будущий студент вписывал свое имя и основные данные в пудовый Album Academicum, или Album Matriculum, и заполнял Anmelungslist — бланк заявления о приеме³⁰.

При этом для германских подданных требовался аттестат зрелости, выданный по окончании немецкой гимназии, реальной гимназии или высшего реального училища, а для иностранно-подданных, кроме аттестата зрелости, — еще и свидетельство об образовании, признаваемое на родине достаточным для того, чтобы подать заявление на учебу в иностранном университете³¹. Если человек подавал заявление в университет сразу же по окончании среднего учебного заведения на родине, то требовалось еще и свидетельство о добронравном поведении, в иных случаях — выданное полицией свидетельство о благонадежности, паспорт или удостоверение о соответствующем гражданстве (для тех, кто уже обучался до этого в других университетах, требовались и надлежащие выпускные свидетельства). Студент расписывался в том, что признает регулирующие его жизнь положения гражданского и университетского права³².

Факультет определялся в соответствии с выбором учебных дисциплин. В любое время допускался переход с одного факультета на другой, но допуск к государственным, церковным или академическим экзаменам разрешался лишь в том случае, если переход совершился в сроки, не выходящие за рамки обычных сроков для подачи заявлений³³.

Если к подателю заявления не возникает вопросов (документы в порядке, в черных списках революционеров он не значится), то ему остается еще наведаться в квестуру, или, как сказали бы сейчас, в бухгалтерию.

Система платы за обучение, как и все в Германии, была разработанной и разветвленной. Оплате подлежали следующие сборы и пошлины.

Одноразовый вступительный сбор — 20 марок при первичном поступлении и 12 — если поступающий уже учился до этого в другом немецком университете или высшем техническом училище. За каждый семестр: страховой сбор в 2 марки в Krankenvegin — на случай ухода в связи с возможной болезнью; комиссионный студенческий сбор в 2 марки — на покрытие расходов достойных представителей студенчества Ruperto-Carola (руперто-каролинцев — самоназвание местного студенчества, подобно "филиппинцам" из марбургского Филипп-Университета); так называемые аудиторные деньги, предназначенные для покрытия общеуниверситетских расходов, — 5 марок³⁴. На частичное покрытие расходов по обеспечению необходимыми для обучения материалами взимался так называемый практикантский взнос. От 30 пфеннигов до 5 марок составлял сбор в кассу страхования от несчастных случаев.

Коллегиальный сбор рассчитывался на каждый семестр пропорционально числу прослушиваемых еженедельно курсов лекций (обычно их было четыре или пять) колебался от 4-5 до 6-10 марок (в зависимости от того, сопровождалась ли лекция опытами, экспериментами и прочими демонстрация-

ми или нет); обычный лекционный курс, занимающий один семестр, стоил 20-25 марок³⁵.

Посещение продолжающегося цикла лекций разрешалось лишь на основании записи в соответствующем журнале, сделанной не позднее 28 ноября. В более поздние сроки разрешение мог дать только ректор, только письменно и только в порядке исключения. Каждый обучающийся обязан был прослушать в течение одного семестра по меньшей мере 4 часа дополнительных лекций.

Конечно же, во всех этих правилах и установлениях были прорехи и лазейки, которыми студенты, как могли и умели, охотно пользовались. Некоторые, оплатив из родительского кармана необходимые суммы, почти не появлялись на занятиях, находя себе "магниты попристягательнее", но были и такие, что, наоборот, платили по минимуму, а посещали — все, что только можно.

Кроме писаных, существовали правила и неписаные. Одним из них являлось непременно посещение либо проректора, либо декана, либо своего будущего профессора. Все свидетельствуют о том, что визиты эти наносились на дому. Вот как описывает свой визит к Виндельбанду Всеволод Никандрович Иванов, учившийся в Гейдельберге в летнем семестре 1909 года:

"Впечатляющий визит!.. Помню даже до сих пор адрес — улица Роз, 14. Квартира этого тайного советника, доктора, профессора и так далее выходила на площадку лестницы двумя дверями — налево помещалась квартира семьи, направо — его собственные две комнаты. Мне запомнилась комфортабельная столовая с массивным буфетом и столом, обширным диваном. На стене висела огромная копия известной картины Каульбаха "Пир Платона", воспроизводившей диалог об Эросе, одухотворяющем Вселенную..

Вильгельм Вильденбанд принял меня, долгового юнца из России, с отменной любезностью, спросил меня о моих будущих занятиях так же просто, как Мефистофель расспрашивал ученика у Гете в "Фаусте". Между прочим, он не обинуясь поставил вопрос о моем "беруфе" <профессии (нем.) — П.Н.>, то есть о том, что я намерен делать в жизни. "Вы хотите быть преподавателем философии?" — спросил он меня.

Для немца, ясно, такой вопрос был вполне уместен, меня же он сконфузил: мне казалось нескромным говорить о своем будущем, да еще столь высоком. "О, если бы это мне удалось, — отвечал я, — то конечно". — "Вы не надеетесь на свои силы, молодой человек? Но ведь у вас уже есть аттестат зрелости! Надо сразу, придя в наш университет, знать, чего вы тут будете добиваться". Это было произнесено с такими решительными, хотя и сдержанными жестами, что у меня перехватило горло. Вот оно, то самое, ради чего я приехал сюда... Еще бы! Передо мной сидел ученый, давно знавший, чего он

хочет. И уходил я от этого доктора, профессора, тайного советника весело и бодро. Ведь мне было только двадцать лет; неужели я не добьюсь того, чего я хочу? Я сорвал одну розочку на крыльце — продел ее в петлицу пиджака и, окрыленный, двинулся по улице Роз..."³⁶

...Венцом всей процедуры посвящения в студенты был торжественный акт в университетской а́уле. Вот как описывает его тот же Вс.Н.Иванов: "...Вступив в актальный зал университета, я был поражен той роскошью, с которой был построен и отделан этот зал. Не очень большой, он был охвачен тройным кольцом нижних галерей, в середине которых стояли кресла партера, так что кафедра возвышалась среди аудитории. Дубовый потолок был украшен двумя расписными плафонами. Окна, тоже резного хитрого дела, в два света, освещали актальный зал с обеих сторон. На передней стене за кафедрой — мраморный бюст ректора университета герцога Баденского; справа и слева — два медальона с именами его славных предков. По сторонам, перед двумя верхними окнами, — два резных балкона со свисающими с них университетскими знаменами, расшитыми шелком и золотом. Переднюю же стену, обращенную к аудитории, занимало большое панно живописца и скульптора того времени Макса Клингера. У синего моря, на берегу Эллады, той Эллады, которая была воскрешена немецкими философами, искусствоведами, художниками и музыкантами в начале XIX века, перед толпой молодых греков, вытянув вперед руки и подняв к небу незрячие глаза, восседал нагой Гомер, декламируя свою бессмертную поэму. Картина была написана в условном серебристо-синем, зеленоватом, розоватом колорите морской пены, от которой однажды возникла и улетела на белых голубях богиня красоты Афродита. Замерев от восторга, слепому певцу внимали красавцы юноши и удрученные годами старцы. Эта романтическая композиция — в обрамлении дуба, великолепно освещенная со всех сторон — производила сильное впечатление. Она отрывала мысль студентов от современности, переносила их на брег Эгейского моря, а нагота фигур на картине очеловечивала, объединяла их.

И, созерцая эту картину и слушая обращенную к нам речь проректора, я уже не чувствовал себя костромичом, приехавшим поклоняться свету разума в немецком университете... "Мы, — сказал он <речь идет о Виндельбанде — П.Н.>, очень эффектный в черной шелковой мантии и в берете, с большой золотой цепью на груди, — мы, ваши учителя, должны сказать вам, молодым людям, что не будем учить вас чему-нибудь определенному, той или иной отдельной науке. Мы будем учить вас работать самостоятельно над установлением, нахождением истины... Вы должны оставаться самими собой, самостоятельными в исследовании, каждый из вас должен проявлять в этой работе свою личность"³⁷.

СТУДЕНТ

Не слишком ли преждевременно теперь думать об университетских хлопотах? Ведь их и невозможно начать раньше осени? А если меня не примут — я поступлю в один из немецких университетов... и согласую занятия литературой с занятиями философией
*О.Мандельштам*³⁸

...Уже около семи недель, как он в Гейдельберге, а до сих пор еще не подал заявления о зачислении в студенты! Все медлил, все тянул, словно присматривался к чему-то с тайной надеждой: не испугает ли что, не насторожит ли? Думал, что приглядывается, привыкает к городу, к реке, к лесу, заглядывающему прямо в окно, к комнате, к хозяйке, а оказалось, на самом-то деле — что к самому себе.

Но, к счастью, ничего такого не происходило, чем можно было бы воспользоваться как причиной или поводом для побега из этого профессорско-студенческого рая.

А дело оказалось проще простого. Пришел в университетскую канцелярию со своими бумагами, получил бланк *Anmeldung*'а — прошения о зачислении в студенты — и, присев к массивной чернильнице, тут же его и заполнил. Много времени это не отняло, всего восемь вопросов, а о том, что в конце полагается ставить дату, и вовсе забыл — так и отдал в окошко.

Приглядимся к бесхитростной анкетке и мы.

Первый вопрос: "Фамилия и имя".

Ответ: "*Йозеф Мандельштам*" — последовал в обратном испрашиваемому порядке и с лишней буквой "м" в транскрибировании фамилии (что, впрочем, имеет соответствие в немецком же *stamm* — "ствол").

Вопрос второй: "День и год рождения".

Ответ: "*16 января 1891*". Но это не описка и не ошибка счета. Примерив на себя повсеместный на Западе григорианский календарь (новый стиль), Мандельштам, видимо, не учел, что разница между этим календарем и календарем юлианским (старый стиль) — величина от века к веку переменная: в двадцатом веке — и это он, вероятно, запомнил — отличие составляло 13 дней, но в девятнадцатом — на один день меньше и т.д.³⁹

Вопрос третий: "Место и страна рождения (если Пруссия, то укажите провинцию)". — "*Варшава*" — укоротил свой ответ Мандельштам.

Зато исчерпывающими были ответы на четвертый и пятый вопросы: "Гражданство" и "Занятия (*Studium*)": "*Россия*" и "*Филология*".

Großherzoglich Badische
Universität Heidelberg.

Anmeldung

für das Winter — Sommer-Semester 19

1. Name und Vorname: *Joseph Mandelstamm*
2. Geburtstag und -Jahr: *16 Januar 1891*
3. Geburtsort und -Land (bei Preußen auch Provinz): *Warschau*
4. Staatsangehörigkeit: *Russland*
5. Studium: *Philologie*
6. Vor- und Name, Stand und Wohnort (Straße)
des Vaters oder der Mutter oder des Vormundes:
*Emil Mandelstamm, ~~Kauf~~ Kaufmann
Petersburg Sagrodny 70.*
7. Religion: *Israelit*
8. Dießige Wohnung, (nämlich Straße und No. des
Hauses und Name des Vermieters):
Anlage 30, Frau Degenon.

Die Richtigkeit dieser Angabe bestätigt

Heidelberg,

Unterschrift des Studierenden:

J. Mandelstamm.

Следующий вопрос: "Имя, фамилия, общественное состояние и место жительства (укажите улицу) отца, матери или опекуна".

Мандельштам ответил: "*Эмиль Мандельштамм, торговец, Петербург, Загородный 70а*"⁴⁰.

Вопрос седьмой: "Религия".

Мандельштам ответил: "*Israelit*", что соответствовало принятой в России формуле "иудейского вероисповедания".

И последний, восьмой вопрос: "Место проживания в настоящий момент (укажите улицу, номер дома и имя владельца)". Слегка путаясь в немецком написании английской фамилии, Мандельштам ответил: "*Anlage 30, frau Dgonson*".

Проигнорировав дату в заключающем анкету обороте: "Правильность сообщенных сведений подтверждается. Гейдельберг, _____ 19___. Подпись учащегося" — Мандельштам собственноручно расписался.

Впрочем, дата теперь известна. 12 ноября — именно под этим числом и под номером 556 значится его имя в *Album Matriculium* — столетиями вedomой, необъятных размеров и непомерного веса торжественнейшей книге в переплете красной кожи с золотым тиснением и металлическими уголками. Каждый студент в те годы собственноручно записывал в нее основные сведения о себе. Мандельштам заполнил свою строку:

- "Фамилия и имя: *Мандельштам Иосиф*;
- Возраст: *19*;
- Место рождения: *Варшава*;
- Состояние и местожительство отца, матери или опекуна: *торговец, Петербург*;
- Вероисповедание: *иудейское*;
- Факультет: *философский*;
- Прежде посещавшийся университет: _____
- Такса: *20 марок*"⁴¹.

После этого только и оставалось, что посетить квестуру и уплатить все причитающиеся с него взносы, сборы и пошлины. Что и было сделано в тот же или на следующий день: во всяком случае матрикул, то есть официальная регистрационная запись университета, датирована не 12, а 13 ноября. Мандельштам раскачивался все-таки на удивление долго — почти два месяца!

...Приехал Мандельштам в Гейдельберг скорее всего в сентябре, во второй его половине, и прожил здесь осень, зиму и весну, по крайней мере ее начало.

Не будем гадать, дождался ли он той поры, когда знакомые бурые холмы, столь угрюмые зимой, зазеленели и за клубились, словно сливки, вишневым и миндальным цветом⁴².

No.	Ab. d. d. Jahr Tod	Der- und Zunamen	Alter	Staatsort	Stand und Wohnort so Eltern, der Mutter oder des Vaters	Religion	Stamm	Die nächst höchste Bildung	Zeit des Wohnorts
77	1812	Carl Schickel	30	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
78	1812	Philipp Schickel	18	Sachsen	Landwirthschaft	ev.	W. C.	W. C.	12
79	1812	Carl Schickel	24	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
80	1812	Carl Schickel	22	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
81	1812	Carl Schickel	21	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
82	1812	Carl Schickel	20	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
83	1812	Carl Schickel	19	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
84	1812	Carl Schickel	18	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
85	1812	Carl Schickel	17	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
86	1812	Carl Schickel	16	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
87	1812	Carl Schickel	15	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
88	1812	Carl Schickel	14	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
89	1812	Carl Schickel	13	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
90	1812	Carl Schickel	12	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
91	1812	Carl Schickel	11	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
92	1812	Carl Schickel	10	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
93	1812	Carl Schickel	9	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
94	1812	Carl Schickel	8	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
95	1812	Carl Schickel	7	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
96	1812	Carl Schickel	6	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
97	1812	Carl Schickel	5	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
98	1812	Carl Schickel	4	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
99	1812	Carl Schickel	3	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
100	1812	Carl Schickel	2	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12

No.	Ab. d. d. Jahr Tod	Der- und Zunamen	Alter	Staatsort	Stand und Wohnort so Eltern, der Mutter oder des Vaters	Religion	Stamm	Die nächst höchste Bildung	Zeit des Wohnorts
77	1812	Carl Schickel	30	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
78	1812	Philipp Schickel	18	Sachsen	Landwirthschaft	ev.	W. C.	W. C.	12
79	1812	Carl Schickel	24	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
80	1812	Carl Schickel	22	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
81	1812	Carl Schickel	21	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
82	1812	Carl Schickel	20	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
83	1812	Carl Schickel	19	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
84	1812	Carl Schickel	18	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
85	1812	Carl Schickel	17	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
86	1812	Carl Schickel	16	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
87	1812	Carl Schickel	15	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
88	1812	Carl Schickel	14	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
89	1812	Carl Schickel	13	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
90	1812	Carl Schickel	12	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
91	1812	Carl Schickel	11	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
92	1812	Carl Schickel	10	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
93	1812	Carl Schickel	9	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
94	1812	Carl Schickel	8	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
95	1812	Carl Schickel	7	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
96	1812	Carl Schickel	6	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
97	1812	Carl Schickel	5	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
98	1812	Carl Schickel	4	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
99	1812	Carl Schickel	3	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12
100	1812	Carl Schickel	2	Wiesbaden	Lehrer	ev.	W. C.	W. C.	12

Насчет зимы и ранней весны мы уверены, а это не так мало: соловьи, бывает, начинают свои коленца уже в феврале!

Зима в Гейдельберге, хоть и мягкая, но довольно мрачная, в комнатах прохладно: двойные рамы не приняты, печка мерцает начищенным кафелем, но заслонки в ней нет, тепло она не держит — быстро нагревается и столько же остывает. Топили — за отдельную плату — букowymi дровами.

Как тут не придет на ум Италия? Вот где, несомненно, тепло, вот где хорошо: не съездить ли?

Пофантазируем и дальше. Воскресенье: Мандельштам лежит на кровати с книгой, набросив на ноги плед; вдруг сбрасывает ноги и подходит к столу у окна, что-то записывает; не отрываясь от книги, подходит к печке, еще не остывшей после утренней топки: как славно приложить руку к разогретому кафелю — сначала одну, потом, переметнув книгу, другую.

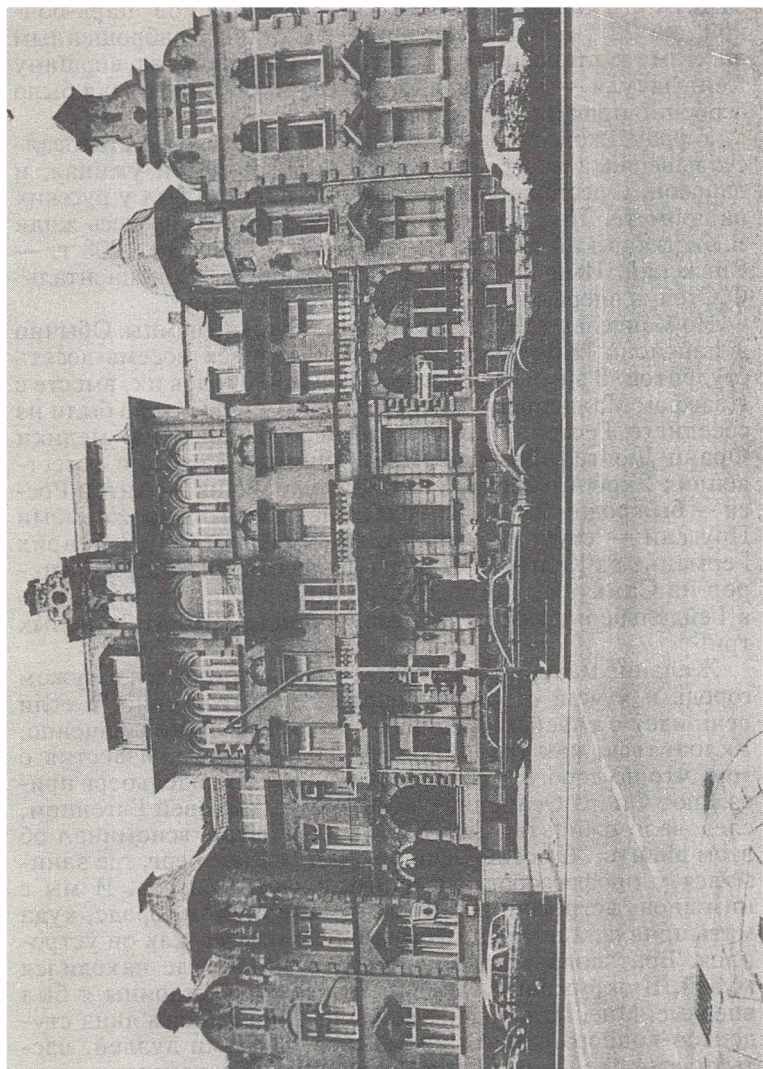
Постучалась хозяйка — рубенсовский типаж, — рыжеватая фрау с едва заметным английским акцентом, спросила с необоримой вежливостью: "Wollen Sie Kaffe, Herr Mandelstam?"⁴³, а в ответ — как и вчера, как позавчера и, как, конечно же, завтра, — твердо-застенчивое, с угловатым русским акцентом: "Danke шен, фрау Джонсон, герне"⁴⁴.

Мандельштам полюбил этот неизменный, уютный и какой-то домашний разговор: он словно отдыхал в нем после казенного бархата застрявшей в ушах — еще с первых гейдельбергских дней, когда он никого и ничего не знал здесь — фразочки: "Das tut mir leid, aber..."⁴⁵ Со временем он возненавидел мелодию этой фразы — за ее лицемерие и фальшь: ну, право, не гнусно ли — смягчать, скрадывать и тотчас же наносить проникающий, разящий удар в виде отказа, запрета или еще какой-нибудь гадости?..

Найти квартиру в те времена было достаточно просто. Тот же Ф.Степун вспоминает, что в 1902 году весь старый Гейдельберг был сплошным студенческим отелем⁴⁶.

Семейный пансион фрау Джонсон "Континенталь"⁴⁷ размещался в чистеньком, слегка вычурном особняке на Leopoldstrasse, 30. У этой улицы имелось и другое название, которое хоть и указывалось в справочниках в скобках, но было, кажется, употребительнее основного: Anlage, что ближе всего соответствовало понятиям "бульвар", "аллея" (Grüne Anlage)⁴⁸.

Это одновременно в центре и на краю. Старый город — через улицу, два-три раза в неделю небольшая площадь⁴⁹ заполнялась гвалтом традиционного овощного базара. До вокзала (тогдашнего), реки и ратушной площади — какие-то сотни метров, не больше. И вместе с тем это самый край города: дом стоял у подножья Гайсберга — поросшей корабельным лесом горы. Окошко комнаты, где жил Мандель-

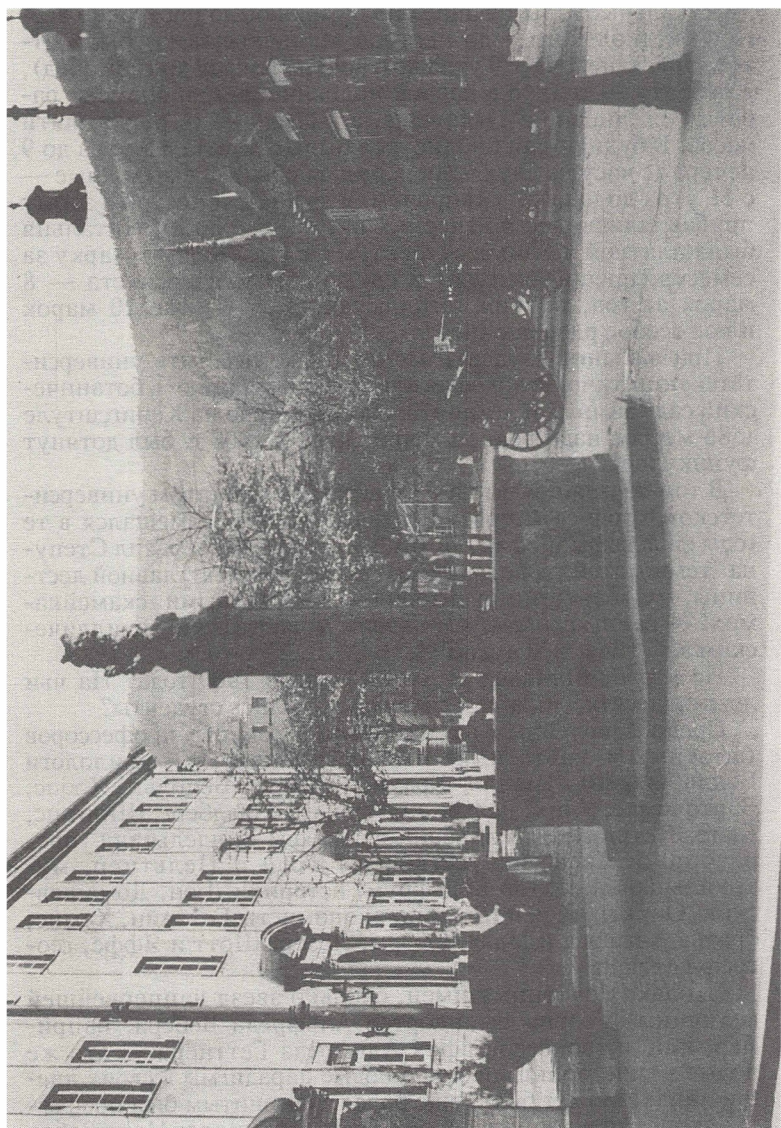
штам, судя по всему, выходило сюда же, на гору. От самого дома завивался вверх Riesensteinweg ("Тропинка огромных камней"); петляя по лесу, пересекаясь с другими тропами и дорожками, она могла бы привести к полуразрушенному замку с его конюшнями и непомерных объемов "царь-бочкой" на 22 тысячи ведер вина⁵⁰, к старым заброшенным шахтам, к сторожкам и кострам лесорубов, на вершину Кенигштуля — куда угодно. Впрочем, с Кенигштуля было особенно приятно спускаться.

У фрау Джонсон, надо полагать, Мандельштам и столовался: наверняка завтракал и, вероятно, обедал и ужинал; и пансион, и ресторанчик капитанши, похоже, был у русских на примете. Так, в зимнем семестре 1905/06 гг. здесь жили Б.Кистяковский и Живаго, а в летнем семестре 1908 г. — Ольжский. Именно здесь, в ресторанчике "Континенталь" Ф.Степун впервые увидел свою будущую жену⁵¹.

Но Мандельштаму в соседи достались одни немцы. Обычно в пансионе "Континенталь" жило человек восемь-десять студентов. В зимнем семестре 1909/1910 годов их, вместе с Йозефом Мандельштамом, было восьмеро. Пятеро были из соседнего Гессена, причем четверо из Майнца: медики Франц Дюнгез, Вилли Шмидт, Филипп Крайсс и естествоведник Якоб Альбрехт, а пятый, тоже медик — Антон Росси — был родом из Оффенбаха; еще двое были уроженцами Пруссии — студент факультета камералистики⁵² Генрих Германнс из Кельна и студент философского Карл Ломерер из Санкт-Йоханнесбурга. Ломерер и Росси учились в Гейдельберге уже целый год, а Вилли Шмидт — целых три!⁵³

Желание матери посмотреть, как же устроился в чужом городе и чужой стране ее первенец, естественно, а если речь идет о еврейской семье — то и едва ли не священо. Уклониться, как говорится, не дано. Короче, известия о том, что по дороге в Россию из Монтрё в Гейдельберг приезжают Флора Осиповна с младшим из сыновей Евгением, следовало ожидать. Сам Е.Э.Мандельштам вспоминал об этом визите: "С осени Осип уехал в Гейдельберг, где занимался у профессоров знаменитого университета. И мы с ним вновь встретились уже в этом старинном городе, куда мать приехала проведать сына и посмотреть, как он устроился. Брат показывал мне город и замок, где находился музей. В окружении такой средневековой старины я был впервые. Мне, мальчишке, конечно, запомнились лица студентов-корпорантов со шрамами — следами дуэлей, частых среди членов разных корпораций, и разноцветные шапочки, удостоверяющие их принадлежность к тому или другому землячеству"⁵⁴.

Площадь, на которой стоят оба главных университетских здания (старое и новое) да еще университетская биб-

лиотека, невозможно не назвать Университетской. От пансиона фрау Джонсон до этого места — считанные минуты ходьбы.

Читальные залы (здание библиотеки было построено всего за несколько лет до приезда Мандельштама) были открыты всю неделю с 9 утра до 6 вечера (с часу до трех обед), в субботу — только в первой половине дня; абонемент работал ежедневно с 11 до часа, а в среду — с трех до пяти часов. В будние дни библиотека была открыта с 9 утра до 9 вечера (с часу до двух — перерыв на обед), а в выходные — с 11 утра до часу дня (впрочем, в зимнем семестре к этому прибавлялись еще 4 вечерних часа — с 4 до 8). Читальня была платной и стоила студентам и слушателям 1 марку за семестр, преподавателям и служащим университета — 8 марок за год, прочим интересующимся — уже 10 марок плюс особое разрешение.

При желании студенты могли также посетить университетскую античную археологическую коллекцию⁵⁵, ботанический сад (зимний и летний) и обсерваторию на Кенигштуле (586 метров над уровнем моря), куда в 1908 г. был дотянут фуникулер.

В том же здании, что и библиотека, — в старом университетском корпусе (Augustiniengasse, 15) — размещался в те годы философский факультет. В 1902 году он поразил Степуна "темноватой теснотой своего входа, узостью главной лестницы, маленькими аудиториями, неудобными скамейками... — одним словом, всем своим монастырским идилическим аскетическим духом"⁵⁶.

Но что представлял он собой осенью 1909 года? На чьи лекции десятками, а то и сотнями ломались студенты?

Среди заявленных на тот зимний семестр профессоров (штатных и заштатных) и приват-доцентов — филолог Болль (декан), Шолль, Браун, Нейман, Вецольд, Хоопс, Бартоломае, Улих, Леффман, Брандт, Вальдберг, Шниганс, Кале, Петш и Картильери, философы Виндельбанд (проректор) и Ласк, искусствоведы Тоде и Пельтцер, музыкальный директор Вольфрум, историки Дюн, Домашевский, Онккен, Кох и Штелин, экономисты Готхайн, Хампе, братья Альфред и Макс Веберы, Лезер, Шотт и Яффе, географ Геттнер.

Сколько почтенных имен, сколько звезд наипервейшей величины! Теория штандортов Альфреда Вебера, например, или антропогеография Альфреда Геттнера — это же целые эпохи, принципиально новые парадигмы в своих дисциплинах! Может быть, еще более знаменитым был профессор экономики и финансовой науки — социолог Макс Вебер (1864-1920), но в мандельштамовском семестре он был свободен от лекций.

Еще совсем недавно философский Гейдельберг был славен

знаменитыми на всю Германию курсами Куно Фишера. Из года в год весь Гейдельберг собирался в университетской а́уле послушать его заключительную лекцию о гетевском "Фаусте"! Именно ради Куно Фишера десятилетием раньше Мандельштама направлялись именно в Гейдельберг и многие русские юноши (в их числе — и Владимир Зензинов и Федор Степун).

Во времена Мандельштама признанным лидером среди университетских философов был уже Виндельбанд, перебравшийся сюда из Страсбурга. Однако таких ярких звезд и оригинальных голов, как марбургский Коген или геттингенский Гуссерль, среди гейдельбергских профессоров в то время не было. Здесь культивировалось то, что называли "систематической философией" и рациональным "добыванием истины". Федор Степун был поражен той политической слепотой и индифферентностью лучших мыслителей на Гейдельбергском философском конгрессе в 1908 году (спустя три года после событий 1905 года!), той бестревожной дистанцией, на которой они позволяли отнюдь не безмолвному времени держаться и удерживать себя; правда, оговаривается он, во вступительном своем слове Виндельбанд, президент конгресса, "...горячо говорил об опасности борьбы "всех против всех", которую несут с собой популяризация знания и демократизация общества; но, анализируя эти опасности и оптимистически предсказывая возврат человечества к разумно-гуманитарным идеалам XVIII века, он в гораздо большей степени волновался борьбою Сократа с софистами, о которой блестяще писал в своих прелюдиях, чем своей современностью. Социологическая незаинтересованность и политическая нечуткость были поистине потрясающими. Успокаиваясь на том, что Ницше — поэт и филолог, а Маркс — экономист и политик, маститые профессора философии или вообще не занимались этими мыслителями или занимались ими в целях приспособления их идей к положениям научной философии, что по тем временам значило — к Канту"⁵⁷.

Следующий философский конгресс состоялся в 1911 году в Болонье и стал триумфом Анри Бергсона — уже всюду набирал силу интерес и к бергсоновской "интуиции", и к кьеркегоровской "философии жизни". Тот же Виндельбанд заявлял с кафедры, что со времен Декарта не знала Франция столь оригинального мыслителя, как Бергсон (Мандельштаму все это было тем более дорого, что его знакомство с работами Бергсона было сравнительно давним, глубоким и как бы личным: в 1907-1908 годах, живя в Париже и посещая лекции в Сорбонне, он, конечно же, не пропускал и блестящих лекторов Коллеж де Франс — Бергсона и Бедье, знаменитого медиевиста, заронившего в нем интерес к старофранцузской литературе).

Но вернемся к документам.

Что представляет с собой матрикул? На первом листе, под шапкой университета и готическим заголовком "Studien- und Sittenzeugnis", что правильной всего перевести как "Свидетельство об успеваемости и благонравии", следует типографский текст с несколькими вставленными от руки словами (мы их выделяем скобками; дата, к слову сказать, отштемпелевана). Текст же гласит: "Господину (Йозефу Мандельштаму), родившемуся в (Варшаве), сыну <тут прочерк — П.Н.>, настоящим удостоверяется, что он, на основании аттестата зрелости реальной гимназии, высшего реального училища <пропуск — П.Н.> или выпускного свидетельства университета или высшего технического училища, на основании достаточных для этого свидетельств — с 13.11.1909 зачислен в студенты (философского факультета) и оставлен на нем вплоть до окончания (летнего) семестра 1910 года и, согласно представленным документам, посещал следующие занятия".

Целая страница предназначена для солидного перечня лекций и семинаров (Bezeichnung der Vorlesungen und Übungen), а также преподавателей (Dozenten), но она девственно-чиста, а продолжение — оно же окончание — следует на обороте листа:

"Касательно его поведения (во время пребывания здесь до конца зимнего семестра 1909/1910 года) ничего предосудительного не обнаружено. (...)

Гейдельберг, (25 февр.) 19(11).

Проректор: фон Шуберт

*Академический сотрудник по
дисциплинарным вопросам:
Кастенхольц*

На первой странице — несколько существенных помет. На левом поле — каллиграфическим почерком: "A (Anmeldung?). No 662 / Taxe 10 M" (цифра вписана другой рукой) и чуть ниже (третьей рукой?) — синим карандашом: "ab 27/2". Что означают эти буквы и цифры? Очевидно, номер мандельштамовского заявления (в таком случае это заявление о зачислении на летний семестр 1910 года, но ведь заявление на зимний семестр имеет совершенно другой номер — а именно 838, см. ниже) и, вероятно, некую февральскую дату (27 февраля), с которой связано то или иное, с точки зрения бюрократа, существенное событие, скорее всего дата подачи этого самого заявления. Тогда это, разумеется, 1910 год, что согласуется и с 10-марочной оплатой семестра (но нельзя исключать и другого, — если вспомнить о дате, когда ректор подписал отчисление Мандельштама, что это дата закрытия дела или передачи его в архив — и тогда это, конечно, 1911 год).

§ 20. AR. Konow. < 5519007

Grossherzoglich Badische

Universität Heidelberg.

Studien- und Sittenzeugnis.

A. N. 662.
June 16. 11.
d. 27. / 2.

Dem Herrn *Josef Handeltmann*

geboren zu *Warothen*

Sohn des

beanstanden wir

hiermit, dass er auf Grund eines Reifezeugnisses des Real-Gymnasiums, der Oberrealschule

eines Abgangszeugnisses der Universität — technischen Hochschule

— genügender Zeugnisse — Legitimationspapiere

am 13. 11. 1908 als Studierender der *Recht.*

bei uns immatrikuliert worden ist, sich bis zum Schluss des

Semesters 19. 08. — *beurlaubt* — dahier aufhalten, und laut der vorgelegten

Zeugnisse folgende Vorlesungen besucht hat.

während seines hierorts Aufenthaltes bei *keinem* *offen-*
sichtlich seiner Führung mit Nennlichem nicht bekannt geworden.

Akademisches Bürgerrecht bis Schluss des — Semesters — während
der Dauer des meistrischer Staatsexamens — vorbehalten.

Exmatrikel wegen Anmeldung zur — Prüfung ausnahmsweise vor
Schluss des Semesters erteilt.

Zur Urkunde dessen mit gegenwärtigen Zeugnis unter Mitwirkung des oberrheinischen
Universitäts-Inspizors ausgestellt und von uns eigenhändig unterzeichnet worden.

Heidelberg, den 25. *Febr.* 1908.

D. z. Prorektor

apz. v. Schenck

Der akademische Disziplinarbeamte

apz. G. Carstenholz

Wien Semester 1901/02

Zahlung

Einzugsliste O. Z. 838

des stud. phil. (Vor- und Zunamen) Joseph Mandelstam

aus (Geburtsort) Warschau (Staatsangehörigkeit) Russland

a) Vorlesungen	b) Namen der Lehrer	Honorar		Praktikanten-Betrag	Bemerkungen
		kr.	sch.		
1. Gesch. des franz. Lit. des 17. u. 18. Jh.	Joh. Ned. Masana	20	—	✓	
2. Inaug. eines altfr. Textes	Severich	10	—	✓	
3. Übungen an altfr. jur. Texten	Severich	—	—	—	
4. Di. provenç. eines Melodist. 17. Jh.	Joh. Ned. Theli	20	—	✓	
5. Erklärung des Judischer Alter. Schriftst.	Joh. Ned. Masana	10	—	✓	
6. Geschichte der Kunstgeschichte	Joh. Ned. Theli	—	—	—	
7.					
8.					
9.					
10.					
11.					
12.					
13.					
14.					
15.					
Honorare		60			
Praktikantenbeiträge					
Auditorien-geld		5			
Institutsgebühr					
Kranken- und Ausschusskasse		4			
Unfallversicherung		—	20		
Summe		69	20		

Durch den Studierenden in der Ueberschrift und in Spalte 1a u. b auszufüllendes Duplikatverzeichnis der Vorlesungen für die Quästur.

На той же странице, сверху — и тем же синим карандашом: "§20 Akademish Vorsch<ift> / S<ommer> S<emester> 1910".

Это, по-видимому, указание на параграф университетского (академического) кодекса, регулирующего вопросы оплаты, — иными словами, юридический повод для отчисления⁵⁸.

Впрочем, мы изрядно засиделись в канцелярии. Заглянем же и в аудитории — ведь уместилось же в эти гейдельбергские недели нечто притягательное для Мандельштама!

Так что же?

Доверимся в таком случае еще одному документу из университетского архива. Это мандельштамовский Einzugslist — "ведомость" единовременной платы Мандельштама за учебу при зачислении, своего рода отчетная ведомость, "платежка" (Zahlung)⁵⁹. Из пяти ее граф — занятия; преподаватели; гонорар (в марках); плата за практикум и замечания — понадобились лишь первые три, из пятнадцати строк — только шесть.

Судя по всему, главным магнитом для Мандельштама-студента были лекции знаменитого филолога-романиста Неймана. Фридрих Генрих Георг Нейман (1854-1934) учился в Берлине и Гейдельберге; в Гейдельберге защитил обе диссертации (1876 и 1878); профессор Фрайбургского (1882-1890) и Гейдельбергского (1882 и 1890-1923, вплоть до выхода на пенсию) университетов. Ко времени приезда Мандельштама он, что называется, почивал на лаврах: носил чин тайного надворного советника и члена гейдельбергской академии, редактировал журнал "Литературный листок германской и романской филологии". Его главный труд — "Романская филология. Очерк" — вышел еще в 1886 году, в Лейпциге.

Мандельштам, потративший на лекции Неймана половину своих денег на учебу и половину строчек в своей "ведомости", записался на три его курса (фактически — на два, ибо второй и третий были слишком тесно связаны)⁶⁰.

1. *"История средневековой французской литературы"* (курс читался по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам с 9 до 10 часов; плата — 20 марок; всего на курс записалось 135(!) студентов, Мандельштам в списке значится 70-м).

2-3. *"Интерпретация старофранцузского текста" и "Упражнения по старофранцузским и провансальским текстам"* (по средам и субботам с 11 до 12 часов; плата — 10 марок; записалось 146 человек, Мандельштам — 74-й в списке).

Вторым после Ф. Неймана, заняв еще две позиции в "ведомости" Мандельштама, шел профессор новейшей истории искусств Генри Роберт Тоде (1857-1920). Он был женат на Даниэле фон Бюлов, племяннице Ференца Листа и падчерице Рихарда Вагнера. Уроженец Дрездена, он учился в Лейп-

циге, Вене, Берлине и Мюнхене, в Вене (1880) и Бонне (1886) защитил диссертации; в 1889-1891 — директор Франкфуртского института искусств, в 1893-1911 — профессор Гейдельбергского университета, член Гейдельбергской академии. Мандельштам застал его в чине тайного надворного советника, но уже годом позже Тоде получил чин тайного советника второго класса, после чего подал в отставку и стал "частным исследователем" (перешел на вольные хлеба, как выразились бы в России). Его основные труды были всемирно известны: книга "Франциск Ассизский и зачинатели искусства Ренессанса в Италии" (1885) выдержала четыре издания, двухтомная монография "Микеланджело и конец Ренессанса" (1902-1903) — два издания. Его перу принадлежали и монографии "Нюрнбергская школа живописи XIV и XV столетий" (1891) и "Беклин и Фома" (1905).

Был он к тому же шеголем и великолепным оратором, перенявшим от Куно Фишера славу и слушателей, переполнявших зал на его публичных лекциях. Вот каким увидел его Ф.Степун: "По своей внешности, манерам и, главное, по стилю своего очарования Тоде показался мне, привыкшему представлять профессора скромно одетым бородатым интеллигентом, человеком совсем не профессорской среды. В Москве этого элегантно, всегда изысканно одетого человека с бритым, мягко освещенным грустными глазами лицом каждый принял бы скорее за актера, чем за ученого. Особенно живописно выглядел Тоде в берете и галаре на торжественных университетских актах... Он ежегодно читал в переполненном актовом зале цикл общедоступных лекций, на которые, как на концерты Никиша, собирался не только весь город, но приезжали даже слушатели из соседних городов. Прекрасные бледные руки лектора часто молитвенно складывались, ладонь к ладони. Длинные пальцы касались губ. Как все романтики, Тоде много и хорошо говорил о несказуемом и несказанном, о тайне молчания. По окончании лекции аудитория благодарила любимого лектора бурным топотом сотен ног"⁶¹.

Тоде не представлял себе, как можно изучать историю искусств без экскурсий и путешествий по Европе. Каникулы, в его понимании, были созданы исключительно для того, чтобы съездить в Италию, и, когда, например, он узнал, что тот же Ф.Степун из-за каких-то сердечных дел собирается не в Венецию, а — прости Господи! — в Москву, то без обиняков посоветовал ему и думать забыть о серьезном искусствоведении⁶².

Мандельштам записался на два курса Г.Тоде.

4. "Великие венецианские художники XVI века" (по понедельникам и средам с 12 до 13, по вторникам — с 12 до 13 и с 18 до 19 часов; плата — 20 марок; на курс записалось 45 студентов, имя Мандельштама — 33-е в списке).

6. "Основы истории искусства" (по понедельникам — с 18 до 19 часов; бесплатно, вход свободный)⁶³.

Третьим гейдельбергским профессором в ведомости оказался знаменитый германист Теодор Вильгельм Браун (1850-1926). Выпускник Лейпцигского университета (1869), он и проработал в Лейпциге до 1880 г., защитив там обе свои диссертации; в 1880-1888 — профессор Гиссенского университета, а с марта 1888 — профессор и преемник Карла Бартша на посту директора романо-германского семинара в Гейдельберге, где проработал до 1919 года (в 1920-1923 гг. возглавлял академическую библиотеку). Был он и редактором журнала "Сообщения по истории немецкого языка и литературы", членом академий Страсбурга, Мюнхена и Гейдельберга; с 1909 — тайный надворный советник. Важнейшие работы выходили в Галле: "Готтская грамматика" (1880; 14 изданий до 1953 года!) и "Древневерхненемецкая грамматика" (1886; 8 изданий).

В мандельштамовской "ведомости" пятую позицию занимает курс Теодора Брауна "Разбор поэмы "Мейер Хельмбрехт" (упражнения по древневерхнегерманской литературе для начинающих)" — по субботам с 9 до 10 и с 10 до 11 часов; плата — 10 марок; из 95 записавшихся на этот курс Мандельштам в списке 55-й.

Кто такой Мейер Хельмбрехт? Это герой сатирической поэмы Вернхера фон Гартенаэра, поэта второй половины XIII века (его имя и происхождение, как и исторические прототипы поэмы, до конца не выяснены). Во всяком случае, как чеканит об этом "Большой Брокгауз", он в совершенстве владел искусством дворцового стихосложения и обладал собственным взглядом на человеческие поступки. В поэме повествуется о крестьянском сыне, ставшем в конце концов разбойником⁶⁴.

Но неужели Мандельштам записался на этот прикладной курс и проманкировал главный брауновский курс — "Историю средневерхненемецкой литературы"? Затребовав соответствующий Zahlungslist Брауна, мы действительно обнаружили в нем имя Мандельштама (68-м в списке из 103 студентов), но... зачеркнутым!.. В чем тут дело? В том, что плата за этот курс — еще 20 марок? Тогда объяснение простое: Мандельштам платить передумал, а на лекции ходил. Но выскажем и еще одну версию, по нашему мнению, более вероятную: Мандельштам отказался, когда узнал, в какие часы читался этот курс: от вторника до пятницы — с 8 до 9 часов утра!..

Но, конечно же, официальным списком перечень курсов, которыми интересовался Мандельштам и которые посещал, не исчерпывается. Нежданно-негаданно тому нашлись подтверждения и свидетельства.

В 1965 году, в Лондоне, старый гейдельбержец Арон Штей-

нберг рассказывал Кларенсу Брауну о Мандельштаме в Гейдельберге⁶⁵. Об этом еще будет сказано, но вот что существенно для нас сейчас: Осип Эмильевич никогда не пропускал лекций Неймана, но посещал занятия и других. В частности, он ходил — правда, нерегулярно — на показавшийся ему скучным курс Виндельбанда о Канте⁶⁶. Зато чудесными и даже поэтичными находил Мандельштам лекции Эмиля Ласка, молодого профессора философии; эти лекции, утверждал Штейнберг, во многом повлияли на складывавшееся в эти годы мировоззрение поэта.

"Скучный" лектор — тайный советник 2-го класса Генрих Вильгельм Виндельбанд — был в Гейдельберге, повторим, ни много ни мало проректором. Родился он 11 мая 1848 года, умер, немного не дотянув до 97-летия, в Берлине, 3 февраля 1945 года; учился в Йене, Берлине, Геттингене, член академии Лейпцига; преподавал в Цюрихе, Фрайбурге и Страсбурге; с ноября 1902 и до 1915 — в Гейдельберге.

А.Штейнберг называет его выдающимся историком философии, хорошим стилистом, широко образованным человеком. Но вместе с тем, как бы в тон Мандельштаму, вспоминает, что ходил слушать Виндельбанда больше из учтивости, чем из настоящего интереса: "Но я, молодой человек, посещавший его лекции, хорошо знал, что ничего не потеряю, если пропущу их, потому что достаточно взять его книги и почитать, может быть, даже с большей пользой"⁶⁷.

В мандельштамовском семестре Виндельбанд читал два лекционных курса "*Введение в философию*" (по вторникам, средам, четвергам и пятницам, с 17 до 18 часов) и "*Историю и систему теории познания*" (по понедельникам и субботам, с 10 до 11 часов), кроме того, он вел философский семинар: "*Кантовская критика силы суждения*". Какой из курсов имел в виду А.Штейнберг, сказать непросто, но скорее всего — первый (второй вызывает сомнения еще и тем, что по субботам перекрывался по времени курсом Брауна). На "скучные" виндельбандовские курсы, заметим, записалось нешуточное количество студентов — соответственно 178 (!) и 95 человек!

Гораздо проще с единственным курсом приват-доцента доктора Эмиля Ласка (профессором, вернее, исполняющим обязанности профессора он стал лишь в феврале 1910 года); на зимний семестр 1909/1910 он заявил курс "*История новейшей философии до Канта включительно*" (читался по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам, с 16 до 17; записавшихся на курс было 29 человек, в том числе и братья Штейнберги). Ласку было тогда всего 35 лет, семьи и детей не было, так что спустя пять с небольшим лет — 25 мая 1915 года — некому было оплакать смерть еврейского профессора-волонтера в бою при Турца Мата в Галиции (откуда, кстати, он был родом)⁶⁸.

Сам он учился правоведению и философии в университетах Страсбурга и обоих Фрайбургов (швейцарского и германского), а с 1901 года уже преподавал в Берлине (до 1904 г.), что не помешало ему защитить (1902) диссертацию во Фрайбурге; с 1905 года Ласк в Гейдельберге: здесь он стал членом местной академии (1905) и получил должность — сначала исполняющего обязанности профессора (7 февраля 1910), затем (уже 31 марта того же года) — профессора. Ко времени приезда Мандельштама в Гейдельберг им уже были напечатаны по меньшей мере две книги — "Идеализм Фихте и история" (Гейдельберг, 1902) и "Философия права" (Гейдельберг, 1905). В 1910 году, в Тюбингене вышла еще одна его книга: "Логика философии и учение о категориях" (Тюбинген, 1910)⁶⁹.

Итак, платежная ведомость позволила нам заглянуть не только внутрь мандельштамовского портфеля и расписания, но и отчасти в его кошелек.

О кошельке. За учебу в зимнем семестре в Гейдельберге (не считая платы за комнату — а это, судя по опыту Федора Степуна, — 10-15 марок в месяц⁷⁰) Мандельштам одновременно заплатил 69 марок и 30 пфеннигов: 60 марок стоили курсы, 5 марок — взнос за пользование аудиториями, еще 4 — единый страховой и комиссионный сбор (Kranken- und Ausschusskasse) и 30 пфеннигов — страхование от несчастного случая (все прочие сборы Мандельштама не касались).

Что касается графика занятий — а суммарно это от 4 до 6 лекционных или семинарских часов в будние дни и 2 часа в субботу, — то он, признаться, впечатляет, если, конечно, принимать его всерьез.

Не забудем, что на следующий семестр Мандельштам просто не явился!

Не в еси в мѣсто соборитъ,
 Наречы в ерменитъ гостъ.

Но, еси в мѣсто соборитъ,
 Соборитъ в мѣсто наречы в ерменитъ.

И еси добротѣ ерменитъ дуче.
 Наречы еси добротѣ наречы ерменитъ.

И, мѣсто наречы в ерменитъ,
 Наречы в мѣсто добротѣ ерменитъ.

Наречы в мѣсто добротѣ,
 И мѣсто добротѣ наречы ерменитъ.

И наречы добротѣ ерменитъ,
 И ерменитъ добротѣ наречы ерменитъ.

Иеремей, Скрипторъ

*Ничего не надо говорить,
Ничему не следует учить...
О.Мандельштам⁷¹*

...Мы не знаем, как Мандельштам учился, сколь исправно он посещал лекции и семинары — хотя бы те, на которые записался и за которые заплатил. Но мы точно знаем, что был он занят и другим, и, может статься, это другое как раз и было для него самым главным уже тогда.

Другое — это, конечно, стихи.

Вернемся в Россию, в начало 1909 года.

Весной Мандельштам, вероятно, познакомился с Гумилевым (если только они не были знакомы годом раньше — с того времени, когда оба находились в Париже). 23 апреля он впервые попадает в квартиру Вячеслава Иванова на Таврической, на заседание "Академии стиха" в знаменитой ивановской "Башне", но стихов своих в этот раз он, кажется, не читал. Его литературное крещение в ивановской "Проакадемии" состоялось вскоре — 16 мая. Присутствовали, кроме него и хозяина, М.Замятнина, Е.Дмитриева, П.Потемкин, В.Ивойлов (Княжнин), Б.Мосолов, В.Гофман, В.Пяст, Е.Герцык. Пяст написал об этом вечере в своих мемуарах: "...Однажды пришел... Виктор Гофман в сопровождении совсем молодого стройного юноши в штатском костюме, задиравшего голову даже не вверх, а прямо назад: столько чувства собственного достоинства бурлило и просилось наружу из этого молодого тела. Это был Осип Мандельштам. По окончании лекции и ответов аудитории ему предложили прочесть стихи. Не знаю, как другим (Вяч.Иванов, конечно, хвалил, — но ведь это было его всегдашним обыкновением!), но мне чрезвычайно понравились его стихотворения"⁷².

Второе майское событие, которое хочется отметить, — это сдача 27 мая экзамена по латыни за 8 классов мужской гимназии⁷³. И, хотя, по-видимому, сам экзамен не принес особой радости ни экзаменатору, ни абитуриенту, но еще один необходимый шаг для получения права на университетское образование был сделан.

Можно предположить, что встреча с Вячеславом Ивановым и его похвала произвели на 19-летнего поэта сильнейшее впечатление, заставили привязаться к этой безусловно незаурядной личности — признанному метру и теоретику символизма. Вне всякого сомнения и то, что в это время Мандельштам прочел если не все, то почти все, что писал и печатал его знаменитый старший современник. Поэтому столь простым и естественным казалось ему поддерживать установившиеся отношения и на расстоянии: не будучи в Петербурге, он завязывает с ним серьезную и

вместе с тем весьма странную переписку. Странную уже потому, что Иванов, кажется, так ни разу и не ответил ни на одно письмо — может быть, по занятости, а может, — будучи шокирован тем граничащим с непочтительностью тоном поэтического, "братского" равноправия, в котором к нему обращался молодой, даровитый, конечно, но вместе с тем и столь "невоспитанный" поэт, не чувствующий установленной им, метром, дистанции. Первое письмо Мандельштама было отправлено 20 июня из Павловска (в Царском Селе Мандельштам жил до отъезда за границу):

"Ваши семена глубоко запали в мою душу, и я пугаюсь, глядя на громадные ростки. Радую себя надеждой встретить Вас где-нибудь летом. Почти испорченный Вами, но... исправленный

Осип Мандельштам"⁷⁴.

Одним из таких семян, быть может, был и совет поехать учиться в Германию: подозревать в этом совете Вячеслава Иванова, берлинского ученика Теодора Моммзена, не покажется натяжкой.

Следующая зафиксированная летописью дата — 28 июля, а если сделать поправку на новый стиль, то 9 августа. Этим числом датирована посланная из Берлина открытка брату Александру в Мустамяки (дача Чебакова). На ней изображена открытая терраса винного заведения (Weinhaus) "Rheingold"; текст гласит:

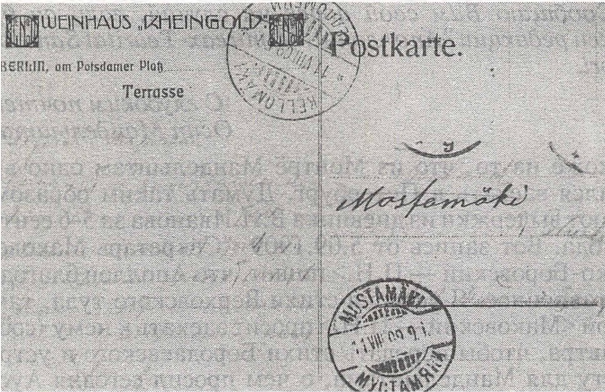
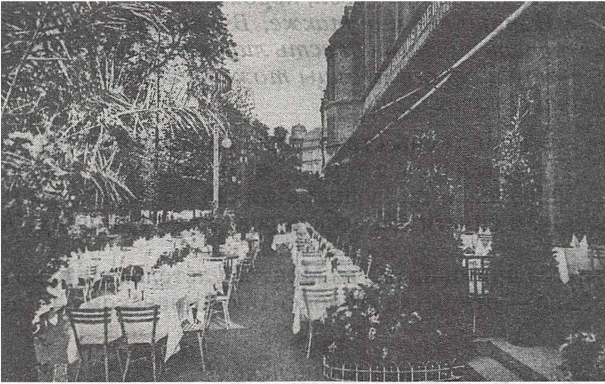
"Дорогой Шурочка!

Сижут тут и дожидаясь поезда. Вспомнил о тебе и решил послать тебе это вещественное доказательство своих губительных наклонностей. Одновременно пишу маме.

Твой Ося"⁷⁵.

Поезд, которого дожидался Осип Эмильевич, всего вероятнее, отправлялся в Швейцарию. Это явствует из второго письма Мандельштама В.Иванову, посланного 13(26) августа из знаменитого курорта Монтрё, что на берегу Лемана — Женевского озера⁷⁶:

"...Две недели я жил в Beatenberg'e⁷⁷, но потом решил провести несколько недель в санатории и переехал в Montreux. Теперь я наблюдаю странный контраст: священная тишина санатории, прерываемая обеденным гонгом — и вечерняя рулетка в казино: faites vos jeux, messieurs! — remarquez, messieurs! — rien ne va plus!⁷⁸ — восклицания croupiers⁷⁹ — полные символического ужаса. У меня странный вкус: я люблю электрические блики на поверхности Лемана, почтительных лакеев, бесшумный полет лифта, мраморный вестибюль Hotel'я и англичанок⁸⁰, играющих Моцарта с двумя-тремя

официальными слушателями в полутемном салоне. Я люблю буржуазный, европейский комфорт и привязан к нему не только физически, но и сентиментально. Может быть, в этом виновато слабое здоровье? Но я никогда не спрашиваю себя, хорошо ли это.

<...> Напишите мне также, Вячеслав Иванович, какие теперь в Германии есть лирики. Кроме Dmetel я⁸¹, я не знаю ни одного. Немцы тоже не знают — а лирики все-таки должны быть".

К письму приложены стихотворения "Истончается тонкий тлен...", "Ты улыбаешься кому..." и "В просторах сумеречной залы...". Первое из них вошло в состав подборки, с которой Мандельштам спустя год дебютировал на страницах "Аполлона"⁸².

Четырьмя днями позже из Монтрё улетело еще одно письмо в Россию — открытка Иннокентию Анненскому в Царское Село:

"Глубокоуважаемый г. Анненский!

Сообщаю Вам свой адрес на случай, если он будет нужен редакции "Аполлона". Montreax-Tearitat Sanatorium l'Abri.

*С глубоким почтением
Осип Мандельштам"*⁸³.

Похоже на то, что из Монтрё Мандельштам одно время собирался заехать в Петербург. Думать таким образом заставляют выдержки из дневника В.И.Иванова за 5-6 сентября 1909 года. Вот запись от 5.09.1909: "Секретарь Маковского <Зноско-Боровский — П.Н.> пишет, что Аполлон благодарит за доставленное. Я устроил стихи Верховского туда, так что больной <Маковский — П.Н.> просит заехать к нему (собираюсь завтра, чтобы передать стихи Бородаевского и устроить комнату для Мандельштама, о чем просил сегодня Ауслендер)".

Запись от 6.09.1909: "Был у больного Маковского... Устроено тотчас для Мандельштама (он велел секретарю послать 25 рублей)"⁸⁴.

Во всяком случае 6(19) сентября Мандельштама в Петербурге не было, раз деньги — а это скорее всего гонорар за стихи, принятые в "Аполлон" еще весной или в начале лета — нужно было куда-то посылать.

Куда? В Монтрё?

Может быть, но вероятнее всего — уже в Гейдельберг. За это говорит встреча Мандельштама с Д.С.Мережковским в Гейдельберге, о которой Мандельштам писал Волошину⁸⁵. Судя по календарю Мережковских, она могла состояться только между 9(22) и 16(29) сентября⁸⁶.

Вот упомянутое письмо Волошину, открывающее вереницу гейдельбергских писем поэта:

"Глубокоуважаемый Макс Александрович!

Оторванный от стихии русского языка — более чем когда-либо, — я вынужден составить сам о себе ясное суждение. Те, кто отказывают мне во внимании, только помогают мне в этом. Так помог мне Мережковский⁸⁷, который на этих днях, проездом в Гейдельберг, не пожелал выслушать ни строчки моих стихов, помог мне милый Вячеслав Иванович, который, при искреннем ко мне доброжелательстве, не ответил мне на письмо, о котором просил однажды. С Вами я только встретился. Но почему-то я надеюсь, что Ваше участие в моей трудной работе будет немного иным. Если Вы пожелаете обрадовать меня своим отзывом и советом — мой адрес: Heidelberg, Anlage 30. Stud. phil. Mandelstam".

К письму приложено пять стихотворений: "В холодных переливах лир...", "Твоя веселая нежность...", "Не говорите мне о вечности...", "На влажный камень возведенный..." и "В безветрии моих садов...". Думается, что можно рискнуть отнести эти стихотворения к числу написанных — не позднее 20-х чисел сентября 1909 — в Гейдельберге.

Вчитаемся в тексты. Не будем при этом наивно надеяться, что встретим в стихах непременно те или другие гейдельбергские реалии — Мандельштам крайне редко мгновенно откликнулся на события, непосредственно предшествовавшие стиху. И тем не менее!..

В холодных переливах лир
Какая замирает осень!
Как сладостен и как несносен
Ее золотострунный клир!

Она поет в церковных хорах
И в монастырских вечерах
И, рассыпая в урны прах,
Печатает вино в амфорах.

Как успокоенный сосуд
С уже отстоенным раствором,
Духовное — доступно взорам,
И очертания живут.

Колосья, так недавно сжаты,
Рядами ровными лежат;
И пальцы тонкие дрожат,
К таким же, как они, прижаты.

В стихотворении узнается сравнительно ранняя — "золо-

тая" — осень, когда завершается уборочная страда и природа замирает, словно из солидарности с земледельцами.

Любовная линия, обозначенная в конце (прижатые друг к другу пальцы), возобладала в следующем стихотворении, которое производит впечатление наброска, написанного по горячим следам:

Твоя веселая нежность
Смутила меня.
К чему печальные речи,
Когда глаза
Горят, как свечи,
Среди белого дня?

Среди белого дня...
И та — далече —
Одна слеза,
Воспоминание встречи;
И, плечи клоня,
Приподымает их нежность.

В третьем стихотворении, если понимать его в гейдельбергском контексте, обозначен новый этап переживаний влюбленного студента — этап, которого вполне можно было ожидать: учебные обязательства и лирическое чувство вступили друг с другом в конфликт⁸⁸.

Не говорите мне о вечности —
Я не могу ее вместить.
Но как же вечность не простить
Моей любви, моей беспечности?

Я слышу, как она растет
И полуночным валом катится,
Но — слишком дорого заплатится,
Кто слишком близко подойдет.

И тихим отголоскам шума я
Издалека бываю рад —
Ее пенящихся громад, —
О милом и ничтожном думая.

Но любовная история развивается явно не так, как мечта-лось бы Мандельштаму. О мстительности угрюмо-каменного и недобродушного Амура и о страданиях живого поэта — в следующем стихотворении:

На влажный камень возведенный,
Амур, печальный и нагой,
Своей младенческой ногой
Переступает, удивленный

Тому, что в мире старость есть —
Зеленый мох и влажный камень —
И сердца незаконный пламень —
Его ребяческая месть.

И начинает ветер грубый
В наивные долины дуть:
Нельзя достаточно сомкнуть
Свои страдальческие губы.

В нем же, кстати, узнаваема и топография Гейдельберга: обдуваемые ветрами "наивные долины". (Впрочем, поиски в городе реального фонтана с занесенной для шага ножкой любверазящего младенца оказались тщетными; не исключено, что таковой и был во времена Мандельштама, когда фонтанчики и как бы текущие из скалы или стены дома роднички служили не только декорациями и были здесь почти что на каждом шагу).

В пятом — и последнем из числа посланных Волошину — стихотворении совершается процесс мнимой самоизоляции лирического героя, попытки вытеснения столь дорогого недавно образа чем-то иным, быть может, метафизикой собственных переживаний, замыканием на самого себя. Мандельштам как бы осекается в конце — ввиду явной угрозы сорваться в привычно-лирическое, не утратившее своей болезненности русло.

В безветрии моих садов
Искусственная никнет роза;
Над ней не тяготит угроза
Неизрекаемых часов.

В юдоли дольней бытия
Она участвует невольню;
Над нею небо безглагольно
И ясно, — и вокруг нея

Немногое, на чем печать
Моих пугливых вдохновений
И трепетных прикосновений,
Привыкших только отмечать.

По поводу пятого стиха Мандельштам написал Волошину еще раз. Первоначально там было: "В безвыходности бытия". Сообщив поправку, автор отозвался о первоначальном варианте так: он "торчит, как оглобля".

Следующая надежная вежа — письмо Вячеславу Иванову из Гейдельберга от 13(26) октября:

"Дорогой Вячеслав Иванович!

Если вам хочется мне написать и вы не отвечаете мне по какой-нибудь внешней причине, то все-таки

напишите мне. Я хочу многое вам сказать, но не могу, не умею до этого.

*Любящий вас Осип Мандельштам.
Heidelberg. Anlage 30".*

Любящий Мандельштам напоминает о своем двухмесячной давности письме из Монтрё, как бы откладывая еще недели на две вопрос о своей вероятной обиде на молчание метра. Но 22 октября (4 ноября) Мандельштам снова пишет В.Иванову — забыв или отбросив обещание обидеться (а может быть, получив какую-нибудь весточку с "Башни" на Таврической — в чем, впрочем, заставляет усомниться вызывающее "по-прежнему" в начале этого письма). Итак:

"По-прежнему дорогой Вячеслав Иванович!

Не могу не сообщить вам свои лирические искания и достижения. Насколько первыми я обязан вам — настолько вторые принадлежат вам по праву, о котором вы, быть может, и не думаете.

Ваш Осип Мандельштам".

К письму приложены стихотворения: "В холодных переливах лир...", "Озарены луной ночевья...", "Твоя веселая нежность...", "Не говорите мне о вечности...", "На влажный камень возведенный..." и "Бесшумное веретено...". Четыре из них нам уже знакомы по письму Волошину (текстуальных различий между ними нет), новыми являются лишь два — "Озарены луной ночевья..." и "Бесшумное веретено..." (их, стало быть, можно датировать временем не позднее начала ноября 1909 г.).

Первое из них написано как будто перед распахнутым в холодную ночь окном (к слову сказать, рябина, хотя и редко, но встречается на склонах Гайсберга):

Озарены луной ночевья
Бесшумной мыши полевой;
Прозрачными стоят деревья,
Овеянные темной, —

Когда рябина, развивая
Листы, которые умрут,
Завидует, перебирая
Их выхолненный изумруд, —

Печальной участи скитальцев
И нежной участи детей;
И тысячи зеленых пальцев
Колблет множество ветвей.

Во втором — поэт как бы отдает дань отвергнутой им ради любви философии и пытается философски взглянуть именно

на любовь (одновременно он не может отказать себе в трудном удовольствии решить формальную задачу оригинально-заковыристой строфы на две сквозные рифмы)⁸⁹:

Бесшумное веретено
Отпущено моей рукою.
И — мною ли оживлено —
Переливается оно
Безостановочной волною —
Веретено.

Все одинаково темно;
Все в мире переплетено
Моею собственной рукою;
И, непрерывно и одно,
Обуреваемое мною
Остановить мне не дано —
Веретено.

Итак, Мандельштам послал В.Иванову шесть, а Волошину — пять стихотворений, причем четыре из них совпадают. Можно предположить, что все эти стихи объединяет и место их написания: рискнем утверждать, что это Гейдельберг. Об этом же говорит и наличие некоего сюжета в сложившейся таким образом подборке.

Но семью этими стихотворениями выделяемый нами сугубо условно гейдельбергский цикл (мы отдаем себе отчет в том, что такое настоящий цикл!) далеко не ограничился.

Следующее из дошедших до нас писем В.Иванову — приблизительно от 11-12(24-25) ноября — не что иное, как записка, приложенная еще к четырем стихотворениям:

"Дорогой Вячеслав Иванович!

Вот еще — стихи. Неизменно вас любящий

Осип Мандельштам".

Впрочем, письмо примечательно и тем, что начато в вагоне поезда Франкфурт — Карлсруэ — Базель и закончено в Гейдельберге. Едва ли это говорит о поездке в Швейцарию — мало ли куда идут поезда, в которые мы садимся, но определенно фиксирует поездку во Франкфурт, — быть может, акнувшуюся в 1932 году в стихотворении "К немецкой речи" строчками: "Еще во Франкфурте отцы зевали, Еще о Гете не было известий...."!

Какие же стихотворения были приложены к письму? Это — "Если утро зимнее темно...", "Пустует место. Вечер длится...", "В смиренномудрых высотах...", "Дыханье вещее в стихах моих..." (соответственно, все эти стихи написаны не позднее 12 ноября 1909 года — дня имматрикуляции).

Если утро зимнее темно,
То — холодное твоё окно
Выглядит, как строгое панно:

Зеленеет плющ перед окном;
И стоят под ледяным стеклом
Тихие деревья под чехлом —

Ото всех ветров защищены,
Ото всяких бед ограждены
И ветвями переплетены.

Полусвет становится лучист.
Перед самой рамой — шелковист —
Содрогается последний лист.

Окно — то же самое, но уже не по-летнему распахнутое и не по-осеннему приоткрытое, а по-зимнему затворенное. И все-таки — еще зелен плющ (как это характерно для Гейдельберга!) и не сорвался еще последний дрожащий лист!

Пустует место. Вечер длится,
Твоим отсутствием томим.
Назначенный устам твоим,
Напиток на столе дымится.

Так ворожащими шагами
Пустынницы не подойдешь;
И на стекле не проведешь
Узора спящими губами;

Напрасно резвые извивы —
Покуда он еще дымит —
В пустынном воздухе чертит
Напиток долготерпеливый.

О зиме здесь — длаящийся вечер и пустынный воздух. Все остальное — о любви: ее не пускают в дверь, а она проникает в стихи с горячим паром дымящегося кофе или, возможно, шоколада.

В смиренномудрых высотах
Зажглись осенние Плеяды.
И нету никакой отрады,
И нету горечи в мирах.

Во всем однообразный смысл
И совершается свобода:
Не воплощает ли природа
Гармонию высоких чисел?

Но выпал снег — и нагота
Деревьев траурною стала;

Напрасно вечером зияла
Небес золотая пустота;

И — белый, черный, золотой —
Печальнейшее из созвучий —
Отозвалось неминучей
И окончательной зимой.

После того как выпал снег, зима, как видим, названа уже "окончательной". Белизна снега, чернота деревьев и золото звезд в черноте ночи — таким колористическим аккордом предстает поэту зимний Гейдельберг. Но взгляд его не останавливается на городе, а скользит все выше и выше, углубляясь в гармонию освобожденной ото всего природы. (Возможно, что в этом или следующем стихотворении отозвалось что-нибудь из услышанного поэтом на лекциях⁹⁰).

Дыханье вещее в стихах моих
Животворящего их духа,
Ты прикасаешься сердец каких —
Какого достигаешь слуха?

Или пустынное напева ты
Тех раковин, в песке поющих,
Что круг очерченной им красоты
Не разомкнули для живущих?

Это стихотворение не скрывает своих многочисленных связей со стихотворениями так называемого основного корпуса — включенными поэтом позднее в первое или последующие издания "Камня" (сравните, к примеру со стихотворением "Дано мне тело — что мне делать с ним..." — см. ниже).

Еще два стихотворения были приложены к следующему письму (записке?) В.Иванову из Гейдельберга, от 13/26 декабря:

"Дорогой Вячеслав Иванович!

Может быть, Вы прочтете эти стихи? С глубоким уважением

Осип Мандельштам.

Р.С. Извините за все дурное, что Вы от меня получили".

Это — "Нету иного пути..." и "Что музыка нежных..." (которые можно датировать также не позднее 13 декабря 1909 года).

Нету иного пути,
Как через руку твою —
Как же иначе найти
Милую землю мою?

Илиг иномо муай,
Кас сирд руду вав-
Кас ил инае иайба
Минго ринио иини?

Либл ке дорозини берозаше,
Есин дакосилв пошай:
Руду прибилурви ке дубаше,
Ил обиниаше ел ареш.

Тонкиа палув дронифи
Хруники гвио тивифи:
Морка, скомзлучаа иадэ
Тихом будном водэ

Плыть к дорогим берегам,
Если захочешь помочь:
Руку приблизив к устам,
Не отнимай ее прочь.

Тонкие пальцы дрожат;
Хрупкое тело живет:
Лодка, скользящая над
Тихою бездною вод.

И это, и следующее стихотворения подхватывают прежде всего любовную тему цикла:

Что музыка нежных
Моих славословий
И волны любви
В напевах мятежных,

Когда мне оттуда
Протянуты руки,
Откуда и звуки
И волны откуда, —

И сумерки тканей
Пронизаны телом —
В сиянии белом
Твоих трепетаний?

Завершающее 1909 год письмо к В.Иванову, трактующее "природу ямба", содержало стихотворение "На темном небе, как узор...":

На темном небе, как узор,
Деревья траурные вышиты.
Зачем же выше и все выше ты
Возводишь изумленный взор?

— Вверху — такая темнота, —
Ты скажешь, — время опрокинула
И, словно ночь, на день нахлынула
Холмов холодная черта.

Высоких, неживых дерев
Темнеющее рвется кружево:
О, месяц, только ты не суживай
Серпа, внезапно почернев!

К письму приложен еще один автограф, разнящийся от основного текста в двух местах: в стихе 3 — "Но выше и все выше ты" и в стихе 5 — "Божница неба заперта.—". О самом стихотворении говорится, что оно

"...хотело бы быть "romance sans paroles". (*Dans l'interminableennui...*)⁹¹. "Paroles"⁹² — т.е. интимно-

д
Тво мурбака и жемка
Мои славною
И воинство мурба
Во наука мурба.

Когда мурба ограда
Пробуждѣ руки,
Ограда и звука
И воинство ограда-

И смирке браней
Прекраснѣ жемка-
Во смирке овраг
В ^{Полка} браней?

На туманной реке, как ур-ре,
Зербын ыраураке вкис-ык;
Но, вкиса и все вкиса-ык,
Вывозим ыраураке вкиса-ык

Тосканные река гави-го-
Тк екаеки-е - время оиреки-е,
И, екаеки-е, на гент нажак-е
Хоминово ыраураке вкиса-ык

Вкиса-ык, екаеки-е река
Тосканные река гави-го-
Оиреки-е, гент-е и нажак-е
Серие, вкиса-ык ыраураке!

лирическое, личное — я пытался сдержать, обуздать уздой ритма. Меня занимает, достаточно ли крепко взнуздано это стихотворение? Невольно вспоминаю Ваше замечание об антилирической природе ямба. Может быть, антиинтимная природа? Ямб — это узда "настроения".

*С глубоким уважением
О.Мандельштам".*

Пятнадцатым гейдельбергским стихотворением следует признать знаменитое "Ни о чем не нужно говорить...", вошедшее в третье издание "Камня" (1923), а также в раздел "Камень" в итоговом сборнике "Стихотворения" (1928)⁹³.

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:

Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

Но есть еще несколько стихотворений, написанных в 1909 или 1910 годах, которые можно бы заподозрить в принадлежности Гейдельбергу⁹⁴. Из числа входивших в основной корпус — это прежде всего это стихотворение "Нежнее нежного...", столь явственно перекликающееся по меньшей мере с двумя стихотворениями из числа приведенных выше — "Твоя веселая нежность..." и "Что музыка нежных...":

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое —
От неизбежного.

От неизбежного —
Твоя печаль
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.

К числу "подозрительных" можно отнести еще два сти-

хотворения из "Камня". В стихотворении "Есть целомудренные чары..." угадывается эллинский пантеон, неплохо представленный в античной коллекции Гейдельбергского университета (в то же время "часы внимательных закатов" у "тщательно обмытых ниш" заставляют думать и о Швейцарии, о Монтрё):

Есть целомудренные чары:
Высокий лад, глубокий мир;
Далеко от эфирных лир
Мной установленные лары.

У тщательно обмытых ниш
В часы внимательных закатов,
Я слушаю моих пенатов
Всегда восторженную тишь.

Какой игрушечный удел,
Какие робкие законы
Приказывает торс точеный
И холод этих хрупких тел!

Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой!
И, осторожною рукой,
Позволено их переставить.

Еще теснее переключка со стихотворением "Дано мне тело — что мне делать с ним...", вошедшим в первое издание "Камня" (1913) под заглавием "Дыхание":

Дано мне тело — что мне делать с ним.
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.

Из стихотворений 1909 года, не включенных в основной корпус, по крайней мере те, что были отправлены В.Иванову из Монтрё, написаны до Гейдельберга: "Истончается тонкий тлен...", "Ты улыбаешься кому..." и "В просторах сумеречной залы...".

Все остальные — весьма и весьма "подозрительны". Вот стихотворение "В морозном воздухе растаял легкий дым...":

В морозном воздухе растаял легкий дым,
И я, печальною свободою томим,
Хотел бы вознестись в холодном, тихом гимне,
Исчезнуть навсегда, но суждено идти мне

По снежной улице, в вечерний этот час —
Собачий слышен лай и запад не погас
И попадаются прохожие навстречу...
— Не говори со мной! Что я тебе отвечу?

Это очевидно "зимнее" стихотворение, датированное по дневнику С.П.Каблукова, впрочем, могло быть написано и в начале 1909 года — периоде, о котором мы мало что знаем.

Стихотворение "Сквозь восковую занавесь..." по-своему перекликается со стихотворением "На темном небе, как узор..." — кажется, что и оно имеет задачу обуздать свой размер.

Сквозь восковую занавесь,
Что нежно так сквозит,
Кустарник из тумана весь
Заплаканный глядит.

Простор, канвой окутанный,
Безжизненной кулис,
И месяц, весь опутанный,
Беспомощно повис.

Темнее занавеситься,
Все небо охватить:
И пойманного месяца
Совсем не отпустить.

Стихотворение "Здесь отвратительные жабы..." — по сочетанию размера и содержания — служит мостом между стихотворениями "Озарены луной ночевья..." и "Бесшумное веретено":

Здесь отвратительные жабы
В густую прыгают траву.
Когда б не смерть, так никогда бы
Мне не узнать, что я живу.

Вам до меня какое дело,
Земная жизнь и красота?
А та напомнить не сумела,
Кто я и кто моя мечта.

Соглашаясь с датировкой "1909", данной по стилистическим признакам в литпамятниковском "Камне" стихотворениям "Музыка твоих шагов..." и "Пилигрим", отметим,

что отнести их предположительно к гейдельбергскому периоду заставляет главным образом содержание (холод, снег, мороз):

Музыка твоих шагов
В тишине лесных снегов,

И, как медленная тень
Ты сошла в морозный день.

Глубока, как ночь, зима,
Снег висит, как бахрома.

Ворон на своем суку
Много видел на веку.

А встающая волна
Набегающего сна

Вдохновенно разобьет
Молодой и тонкий лед,

Тонкий лед моей души —
Созревающей в тиши.

ПИЛИГРИМ

Слишком легким плащом одетый,
Повторяю твои обеты.

Ветер треплет края одежды —
Не оставить ли нам надежды?

Плащ холодный — пускай скитальцы
Безотчетно сжимают пальцы.

Ветер веет неутомимо,
Веет вечно и веет мимо.

Таким образом, число стихотворений, написанных предположительно в Гейдельберге, внушительно: от пятнадцати до двадцати трех. Может быть, их было и больше, может, и меньше, но в любом случае мы столкнулись с явлением само-го интенсивного творческого подъема у раннего Мандельштама: вплоть до своих феноменальных тридцатых годов он ничего подобного не испытывал!⁹⁵

Сведения о том, как провел Мандельштам ту часть зимнего семестра, что пришлась на 1910 год, исключительно скудны. По существу, единственной надежной датой может послужить лишь доклад А.Штейнберга "Искусство и критика", состоявшийся 10 февраля (28 января?) 1910 года, по-видимому, в Пироговской читальне.

Арон Штейнберг и его старший брат Исаак и были теми двумя российскими евреями из трех (третьим был Иозеф Мандельштам), что записались не на медицинский, не на

юридический и даже не на естественно-математический, а именно на философский факультет. Они были одними из тех немногих соотечественников, с кем учеба в Гейдельберге свела Мандельштама достаточно близко. Почти ровесник Мандельштама (он родился 12 июня 1891 года в Двинске), А.Штейнберг в Гейдельберге появился еще в зимнем семестре 1907/1908 года, учился сначала все-таки на юридическом⁹⁶, потом на философском факультетах (жил — вместе с братом⁹⁷ — на Унтер-Неккарштрассе, 28, у госпожи Зайлер). Будущий сотрудник философского отдела "Русской мысли", один из учредителей петроградской Вольной Философской ассоциации (Вольфилы), сокамерник Блока во время его ареста Петроградской ЧК 15/16 февраля 1919 года, эмигрант с 1924 года и впоследствии активнейший деятель Всемирного еврейского конгресса, — он оказался, по сути, единственным человеком, свидетелемствующим о гейдельбергской жизни Мандельштама.

Отголоски этой жизни вкраплены в книгу его воспоминаний, начинающуюся столь для интригующе для нашей темы:

"В 1910 году я был уже третий год студентом философского факультета Гейдельбергского университета в Германии. В это же время я начал увлекаться русской поэзией и меня стал одолевать порыв самому писать стихи. Увлечение поэзией мешало занятиям в университете. Иногда бьешься-бьешься над каким-нибудь философским вопросом, кажется, никогда не постигнешь того, что хотел сказать Кант своей трансцендентальной дедукцией категорий, а тут промелькнет облачко на закатном небе — напишешь строчку-другую, и кажется тебе, что никаких проблем и не существовало, что они расплывутся, вот так же, как это облачко над долиной Неккара... Одно мешало другому. И я решил: если какой-нибудь уважаемый и признанный мастер русского стихосложения скажет мне откровенно, что в моих стихотворных упражнениях есть какой-то смысл, я начну заниматься поэзией, а если он посоветует мне заниматься чем угодно, но не стихами, я и тут послушаюсь его"⁹⁸.

Увы, в книге нет ни единого упоминания о поэте, который учился вместе с Ароном Штейнбергом — о Мандельштаме!⁹⁹

И все-таки благодаря Штейнбергу нам известны имена еще нескольких людей, с которыми Мандельштам встречался и общался в Гейдельберге. Так, в устной беседе Арон Захарович назвал — а Кларенс Браун обнародовал (с пометкой: "для будущих исследователей") — имена двух соотечественников, игравших, по-видимому, заметную роль в жизни русской колонии. Это — Борис Давидович Камков (настоящая фамилия — Кац) и Александр Иванович Хаинский (не исключено, что это тоже революционный псевдоним, как Камков или Ленин). Мы еще

вернемся к нему, а пока продолжим изложение рассказа Штейнберга, тем более, что на русском языке он еще не публиковался¹⁰⁰.

Итак, примерно за месяц до окончания зимнего семестра, а именно — 10 февраля 1910 года, Штейнберг прочитал в русском кружке доклад на тему "Искусство и критика". Кларенс Браун вспоминал, как Штейнберг показывал ему листок с пометами, сделанными по ходу состоявшегося после доклада обсуждения; там было и имя Мандельштама. Основным тезисом (Браун подчеркивает его нетривиальность для 1910 года) Штейнберга было утверждение, что произведение искусства должно рассматриваться как автономное целое, как система в собственном смысле слова, именно с этих позиций должна строиться и его критика как таковая, независимо от субъективных и биографических соображений. Штейнберг улыбался, вспоминая, каким гипнотическим оратором был Мандельштам, как он умел направить внимание всех на то, что говорит он сам, никому не давая ни слова сказать! Прикрыв глаза, Штейнберг медленно извлекал из памяти суть того, что говорил тогда Мандельштам. Эта суть сводилась примерно к тому, что и сама критика (этой части темы доклада он уделил гораздо больше внимания, чем другой) может быть таким же органическим целым, как и то, чему она посвящена, и не важно, насколько она субъективна. Ее значимость может зиждиться и на ее собственном праве: праве быть произведением искусства. Характерность этого высказывания для критических статей самого Мандельштама в пояснениях не нуждается. Достаточно вспомнить статью "Франсуа Виллон", датированную, кстати, 1910 годом.

Штейнберг вспоминает также, что двумя излюбленными темами Мандельштама были философия и еврейский вопрос. Мандельштам, как показало Штейнбергу, своим еврейством был смущен и подавлен. На вопрос, не родственником ли ему известный окулист Мандельштам, отвечал, что родней не интересуется¹⁰¹.

Что касается названных Штейнбергом Б.Каца (Камкова) и А.Хаинского, то в архиве Гейдельбергского университета можно найти некоторые свидетельства о них.

Согласно матрикулу, Борис Давидович Кац родился в г.Кобилне 20.05.1883 г. Будущий юрист — видный левый эсер, деятель июльского восстания 1918 года, — он проучился здесь два семестра в 1907/1908 году; два следующих семестра — во Фрайбурге, а затем еще два семестра в Гейдельберге — в то же время, что и Мандельштам¹⁰²; в 1909 году он защитил дипломную работу у Лилиентала на тему "Проблема свободы воли и уголовное право".

Гораздо меньше известно об Александре Ивановиче Хаинском. Ни его матрикула, ни иных официальных записей, го-

ворящих именно об учебе в Гейдельберге, обнаружить не удалось. Но в небольшом собрании документов о "Русской Пироговской в г.Гейдельберге читальне" его имя встречается не один раз. Так, им как заведующим подписан датированный маем 1909 г. "Отчет о состоянии кассы с 25 февраля по 8 мая 1909 г." (вместе с ним расписались члены правления: М.Островская, Александр, М.Шанканов(?), А.Ляшперт, члены ревизионной комиссии: Л.Салова, Г.Гурвич). Но в другом документе, датированном 1.08.1909 г., заведующим значился уже Яков Орховский. По всей вероятности, это связано с инцидентом — и не одним! — происшедшим между А.И.Хаинским и неким товарищем Александром (фамилия, предположительно, Брюллов), членом правления. Из протоколов третейского суда видно, сколь малозначительными были причины и поводы для этого разбирательства. В первом случае (май 1909 года; стороны: тов.Александр, Островская, Мальцев против т.Хаинского; представители сторон: тов.Ланц и Медиш) суд вынес обоим порицание за взаимную некорректность¹⁰³.

Во втором случае разбирался очередной конфликт между т.Александром и Хаинским в связи с инцидентом, возникшим на собрании 6 ноября 1909 года. Едва ли Мандельштам присутствовал на этой разборке (хотя и исключить этого тоже нельзя: в Гейдельберге он в это время определенно был), но приведем все же текст постановления и этого третейского суда, настолько выразительно передает этот документ безоговорочную личную порядочность того поколения русских революционных интеллигентов (ох уж эта терминология: "товарищ Александр"), их хрупкую незащищенность и наивность, детскость, если угодно. Многим из них позднее, когда подготовляемая ими революция вырвалась из их рук и закрутила, засвистела над Россией снеговыми метельными столбами, эти свойства характера стоили жизни.

Итак, читаем: "В словах "Тов.Новомисский предупреждал меня о Вас, тов.Александр!", произнесенных т.Хаинским на публичном заседании третейского суда в мае 1909 года, суд лжи не усматривает. Тов.Новомисский, давая о тов. Александре в своей беседе с тов.Хаинским похвальный отзыв во всех отношениях, упомянул между прочим и о некоторых мелких недостатках т.Александра как члена правления, чисто технического характера.

В вышеприведенных словах т.Хаинского суд поэтому видит большое преувеличение того, что ему было сказано т.Новомисским.

Преувеличение это допущено однако т.Хаинским неумышленно и при повышенной атмосфере собрания.

Суд считает необходимым подчеркнуть крайнюю неосторожность заявления, сделанного т.Хаинским в условиях, не допускаящих немедленной проверки, и в такой форме, кото-

рая при недоговоренности могла дать повод к самым различным толкованиям.

Переходя к инциденту, разыгравшемуся на собрании 6-го ноября 1909 года, суд находит, что оскорбление, нанесенное т.Александром т.Хаинскому, является незаслуженным.

Хотя суд видит смягчающее вину т.Александра обстоятельство в том, что оскорбление было нанесено им в субъективной уверенности в своей правоте и в пылу раздражения, вызванного чувством обиды и приподнятого настроения собрания (чему способствовало отчасти и поведение т.Хаинского), суд тем не менее находит его поступок некультурным и недопустимым, тем более что ему дана была возможность т.Хаинским восстановить истину при помощи третьей стороны.

Суд поэтому постановляет, чтобы т.Александр извинился публично перед т.Хаинским в выработанной самим судом форме. Подписи: Гр.Гурвич, М.Островская, т.Борис, Л.Левин, Г.Ланц".

Ну, не буря ли это в стакане воды? Конечно, она самая, но сколько, согласитесь, в ней чистоты, порядочности, культуры и вместе с тем страсти — всего того, чего так недоставало вскоре разыгравшимся бурям иного рода! Разве что в страсти недостатка не ощущалось. Атмосфера, запечатленная в этом документе, кажется уже навсегда и утраченной.

...Февраль 1911 года был заполнен стихами, дружескими встречами с Сергеем Платоновичем Каблуковым, версткой новой подборки стихов в "Аполлоне" и всякой всячиной. Санкт-петербургский университет в январе бастовал и был еще, кажется, закрыт. Но уже созрело решение поступать в этот домашний университет, и в середине апреля (по старому стилю; 1 мая — по новому стилю, если быть точными) Мандельштам примет формальное крещение в методистской кирхе выборгского пастора Розена. Вскоре — 7 мая — из этого же университета будет уволен Гумилев — конечно же как не внесший платы. И с самим Мандельштамом это еще произойдет, причем дважды: в общей сложности за шесть лет он проучится восемь семестров, но университетского диплома так и не получит.

Во всяком случае вряд ли бы он смутился, получи он из далекого Гейдельберга с сургучной печатью конверт и узнав, что 25 февраля 1911 года подписи господина ректора, действительного тайного советника Ганса фон Шуберта и дисциплинарного чиновника доктора Макса Кастенхольца скрепили его, Йозефа Мандельштама, из Гейдельбергского университета исключение.

Разумеется, как не внесшего плату за обучение.

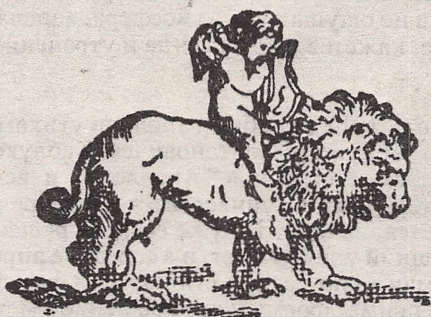
...Он не смутился бы, но гейдельбергские видения и воспоминания — как знать! — посетили бы его в этот день.

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ.

КАМЕНЬ

СТИХИ.

А К М Э.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ПРИМЕЧАНИЯ

Инициатором и вдохновителем поисков мандельштамовских документов в гейдельбергском архиве был Габриэль Суперфин, первым публикатором — американский славист Томас Бейер (см.: Th.R.BEYER. *Ossip Mandelstam and the University Heidelberg*. // *The Slavonic and East European Review*. 1987, vol.65, No2, p.236-237; Т.БЕЙЕР. Осип Мандельштам и Гейдельбергский университет. // *Минувшее*. Вып.5. Париж, 1988, с.222-227, с репродукцией подлинных документов). Многими ценными указаниями я обязан Александру Анатольевичу Морозову (Москва) и профессору Вилли Биркенмайеру (Гейдельберг), а также гейдельбергским архивистам — Элизабет Хунерлах, Эвальду Кесслеру и Кристиану Ренгеру из университетского архива и Диане Вебер — из городского. Всем им я хочу адресовать слова признательности.

Сокращенный вариант этой работы на немецком языке был опубликован в: P.NERLER. *Ossip Mandelstam in Heidelberg*. // *Mandelstam und sein Heidelberger Umfeld*. *Russica Palatina*. Skripten der Russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg. Nr.21 (Hrsg. W.Birkenmaier). — Heidelberg 1992, s.3-69.

1. А.ШТЕЙНБЕРГ. Друзья моих ранних лет (1911-1928). Париж: Синтаксис. 1991, с.19. Ср. далее там же: "Чтобы получить право на жительство, я должен был сдать в русском университете государственные экзамены. По философии я не мог их сдать, так как такого факультета не существовало. Значит, нужно было перейти на какой-нибудь другой факультет, для меня самый легкий — юридический. Поэтому в Гейдельберге я сразу же записался на оба факультета, в предвидении будущих событий..."
2. Ф.СТЕПУН. Бывшее и несбывшееся. Том 1. Лондон, ОРІ, 1990, с.150. Степун Федор Августович (1884-1965) — русский философ; с зимнего семестра 1903/04 учился в Гейдельберге; в 1910 г. защитил у Виндельбанда диплом на тему "Владимир Соловьев"; редактор русского издания философского журнала "Логос"; при правительстве Керенского работал в военном министерстве. После высылки в 1922 г. за границу получил кафедру социологии в Дрездене; в 1937 отправлен на пенсию; с 1947 г. профессор русской духовной истории в университете Мюнхена. Упомянутые воспоминания в трех томах впервые опубликованы в 1949 г. в авторском немецком переводе.
3. Из стихотворения "Канцона", написанного 26 мая 1931 года.
4. СТЕПУН, ук. соч., с.99. Заметим, что речь идет о старом, ныне не существующем вокзале, находившимся приблизительно напротив так называемого "нового моста".
5. "Пруссия" (лат.).
6. Высшим шиком считались шрамы на лице — следы дуэлей — и еще бульдоги, прыгающие по команде хозяина через палку или трость. Об этом пишет другой русский гейдельбержец — Владимир Михайлович ЗЕНЗИНОВ (1880-1940; будущий видный эсер и член омской Директории) — в своей мемуарной книге "Пережитое" (Нью-Йорк: изд-во им.Чехова, 1953, с.82-94).
7. В те же годы, что и Бородин, в Гейдельберге учились и такие будущие знаменитости, как Д.И.Менделеев и И.М.Сеченов. В те времена комната (с постельным бельем и уборкой) стоила 11 гульденов, или 6 рублей

- и 60 копеек; обедали в час дня, в отеле "Бадише хоф", где обыкновенно собирались русские. См.: С.А.ДИАНИН. Письма А.П.Бородина. Вып. I (1857-1871). М., 1927-1928, с. 36.
8. В конце концов он и вовсе сбежал от переизбытка соотечественников в Гейдельберге, который он называл "маленьким русским городом" — в город многолюдный и большой, где легко затеряться, — в Мюнхен!
  9. Судя по названию отеля ("Anlage"), где остановился не на шутку перепугавшийся министр, жил он практически там же, где позднее Мандельштам. После полученной душевной травмы Путьтин перебрался в Штутгарт, а в декабре 1861 года подал в отставку, сдав дела А.В.Головнину. Этот-то министр и прислал своим представителем в Гейдельберг тайного советника Пирогова. Подробнее см.: *Russische Stimmen aus Heidelberg // Russica Palatina*. Nr.20. Herausgegeben von W.Birkenmajer. Heidelberg, 1992, с.19-25.
  10. Николай Иванович Пирогов прибыл в Гейдельберг в июле 1862 года в качестве официального представителя Министерства народного просвещения для опеки тех из российских студентов, что были посланы за границу на министерские стипендии (в этом качестве он пробыл в Гейдельберге до 1865 года). Настоящими же основателями читальни были студенты Л.И.Бакст, Г.Веселицкий, А.Л.Линев и В.Ф.Лугинин (см.: *Russische Stimmen aus Heidelberg // Russica Palatina*. Nr.20. Herausgegeben von W.Birkenmajer. Heidelberg, 1992, с.7-18). Читальня же была названа именем Пирогова лишь после его смерти в 1881 году. Сам же Пирогов скорее был причастен к созданию другого очага русской общности, кажется угасшего с его отъездом, чего-то вроде научного русского кружка, собиравшегося одно время чуть ли не еженедельно в отеле "Русшише хоф" на Леопольдштрассе, 35, где звучали главным образом сообщения о научных интересах, а иногда и о результатах работы того или иного стипендиата или студента (там же, с.47-48).
  11. Цит. по: Н.-J.ZUM WINKEL. *Das Slavische Institut der Universität Heidelberg. Zur Vorgeschichte und Geschichte.* // *Materialien zur Geschichte der Slavistik in Deutschland*. Teil 1. Wiesbaden, 1982, s.140.
  12. Он выходил под двойным французско-русским названием: "A tout venant je crache, или Бог не выдаст — свинья не съест") и был оружием партии радикальных приверженцев Герцена ("нигилисты", или "петербуржцы") в их борьбе с партией умеренных либералов — поклонников М.Н.Каткова ("москвичи"). Разысканы (А.Черняком) два, и достоверно упоминание также о третьем номере журнала. Подробнее см.: С.Г.СВАТИКОВ. Студенческая печать с 1755 по 1915 гг. (Журналы, газеты, оттиски и альманахи). М., 1916 (отдельный оттиск); А.ЧЕРНЯК. Журнал русских студентов в Гейдельберге. // *Вопросы литературы*. 1959, №1, с.173-183.
  13. См.: Г.Б.СЛИОЗБЕРГ. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Том первый. Париж, 1933, с.161.
  14. Войдите (нем.).
  15. См. СТЕПУН. Ук. соч., с.114. "С течением времени мы с братом и вся наша компания беспартийных москвичей, — продолжает Ф.Степун, — сблизилась с такою чуждой поначалу средой западно-русского социалистического еврейства, но совсем своими мы в этой среде так и не стали". Он пишет о том презрении, которое питало к беспартийным "академикам" и "буржуйам" русско-еврейское социалистическое студенчество. Председателем читальни во времена Ф.Степуна был Товбин — "нищий, чахоточный, идеалистический марксист". Очень интересно описание докладов, читанных эсдеками Л.Дейчем и Столпнером, эсерами А.Гоцем и И.Бунаковым и, наконец, полемизировавшего со всеми самого Ф.Степуна, поддержанного одним только Б.Кистяковским". Тем не менее "читалка" притягивала к себе с неумолимостью, и даже внепартийный Ф.Степун участвовал в концертах, вече-

рах и балах в ее пользу. На собственный вопрос: "Почему!?" — Ф. Степун отвечает: "Таков уж был дух времени: самая таинственная, самая неуловимая и все же реальная сила истории" (там же, с.119). Не случайно, что именно в этой среде родился и осуществился замысел, кажется, первого русского философского журнала "Логос", редакторами которого были С.Гессен и Ф.Степун (предтечей "Логоса" была коллективная брошюра "Von Messias" ("О мессии"), напечатанная в 1909 году и состоявшая из пяти эссе пятерых друзей-авторов — Р.Кронера, Г.Мелиса (будущие редакторы немецкого издания "Логоса"), Н.Бубнова, С.Гессена и Ф.Степуна (об этом издании сообщает Н.ТРЕЙБЕР — см. сноску 17).

16. Эту цифру приводит Н.Н.Бубнов в послесловии к ректографированному изданию: *Heidelberger russische Periodika. Alphabetisches Verzeichnis der 154 russischen Periodika des Slavischen Instituts und der Universitätsbibliothek Heidelberg. / Zusammenestellt vom W.Kasack. Heidelberg, 1952, с.17.*
17. А.ШТЕЙНБЕРГ. Друзья моих ранних лет (1911- 1928). / Подг. текста и примечания Ж.Нива. Париж: "Синтаксис", 1991, с.196. Об этом заседании см. также: W.BIRKENMAIER. Max Webers Rede zum Jubileum der russischen Lesehalle. // *Mandelstam und sein Heidelberg Umfeld. Russica Palatina. Skripten der Russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg. Nr.21. — Heidelberg 1992, s.70-78. О связях Макса Вебера с русским студенчеством и их взаимовлиянии см.: Н.ТРЕЙБЕР. Die Geburt der Weberschen Rationalismus-These: Webers Bekanntschaften mit der russischen Geschichtsphilosophie in Heidelberg. Überlegungen anlässlich der Veröffentlichung des ersten Briefbandes der Max-Weber-Gesamtausgabe. // *Lenathaus, 1991, Nr 3, s.435-451.**
18. Николай Николаевич Бубнов (7.01.1880, Санкт-Петербург — 4.08.1962, Гейдельберг) — русский философ и гейдельбержец с огромным стажем. Впервые приехав сюда в 1902 г., он проучился на философском факультете в общей сложности 7 семестров и в начале 1908 г. защитил диссертацию "Сущность и предпосылки индукции" (опубл.: Halle 1908; *Kant-Studien, Bd 13, Heft 4*). В 1911-1914 и 1919-1956 гг. преподавал в Гейдельбергском университете (с 1924 — профессор); в промежутке испытал все прелести интернирования. В 1920 г. под эгидой Фонда науки и искусства им.Портхайма, на базе остатков Пироговской читальни создал Институт славистики, в 1931 г. вошедший в состав Гейдельбергского университета; с 1931 по 1956 гг. был его бессменным директором и одновременно (с 1933 г.) руководил русским отделением университетского Института переводчиков.
19. Что касается архива Пироговской читальни, то лишь малая его часть сохранилась в архиве Гейдельбергского университета. Большая часть — стараниями представителя Русского зарубежного исторического архива в Праге историка Сергея Григорьевича Сватикова (1880-1942), учившегося в Гейдельберге с 1902 г. и защитившего у Елинека диплом на тему "Проекты изменения русской конституции. К развитию конституционных идей в России, 1730-1819", — в начале 20-х годов была переправлена в США (см. ZUM WINKEL, op.cit., s.140) — предположительно в Бахметевский архив.
20. К.А.ТИМИРЯЗЕВ. Биографический очерк А.Г.Столетова. // А.Г.Столетов. Собрание сочинений. Том 2. М., 1941, с.9.
21. Для сравнения, в зимнем семестре 1991/1992 г. имматрикулировалось 29 тыс. студентов (*Rhein/Neckar-Zeitung, 1992, 26 Mai, s.1*).
22. О Виндельбанде еще будет сказано ниже.
23. Тайный церковный советник Ганс фон Шуберт (1859-1931), чья — уже ректорская — подпись скрепит в 1911 году отчисление Мандельштама, родился 12.12.1859 г. в Дрездене, изучал германистику, историю, классическую филологию, а также правоведение в университе-

- тах Лейпцига, Бонна, Страсбурга и Цюриха. В 1884 г. в Страсбурге защитил диссертацию, преподавал теологию в Тюбингене, Галле, Страсбурге и Киле, а с 1906 по 1928 гг. — в Гейдельберге.
24. О тайном советнике Георге Елинеке (1851-1911) — "меланхолическом рыжем австрийце <в действительности он был евреем, родом из Лейпцига (в 1910 г. перешел в протестантизм); в Вене же он работал с 1874 по 1889 г. — П.Н.>, с кривым пенсне на нервных ноздрях и снулым взором поверх него", вспоминал все тот же Ф.Степун: "В равной мере историк и юрист, Елинек был одним из первых социологов среди немецких государствоведов. Его живые и в научном отношении весьма поучительные лекции отличались стереоскопической рельефностью научного анализа и не лишенным творческого пафоса полемическим задором" (СТЕПУН, ук. соч., с.111).
  25. Карл Густав Аугуст Фридрих Давид Герман Менге (1864-1945) в Гейдельберге работал с 1908 по 1930 г.
  26. Франц-Иоганн Болль (1867-1924) — профессор классической филологии Гейдельбергского университета в 1908-1924; в 1909/10 — ректор философского факультета и член Малого сената; в 1923 г. — ректор.
  27. Сведениями не располагаем.
  28. Когда Софья Ковалевская покинула Гейдельберг в 1871 году, жить ей оставалось 20 лет, впереди была защита диссертации в Геттингене, профессура в Стокгольме, членство в академии — все это впервые в незмансипированном мире.
  29. Но, заявись сюда девятнадцатого числа хоть Иммануил Кант с Александром Гумбольдтом, они скорее всего вернулись бы ни с чем: орднунг есть орднунг! Исключения для опоздавших, впрочем, допускались, — разумеется, лишь при указании подобающих ситуации уважительных причин, но в любом случае опоздавших лишали права сдавать экзамены в этом же семестре (то или иное решение принимала специальная комиссия; в зимнем семестре 1909/10 года в ней состояли ректор Виндельбанд, декан теологического факультета фон Шуберт и сотрудник дисциплинарного департамента).
  30. По уставу, бланк заполнялся от руки, подписывался и сдавался в канцелярию в предобеденные часы любого из первых четырех дней недели, но в действительности администрация несколько упростила себе жизнь, начав принимать заявления раз в неделю (см. ниже об имматрикуляции О.Мандельштама).
  31. Между прочим, на женщин эта льгота не распространялась: для них непрременным условием был аттестат зрелости именно немецкого учебного заведения.
  32. Впрочем, как сообщает Ф.Степун, для поступления на философский факультет все же требовалось свидетельство о сдаче экзамена по одному из древних языков. Лично он еще из России обратился к ректору с письмом, где просил принять его без такого свидетельства, а лишь с аттестатом реального училища. Он был принят, но с тем условием, что перед докторским экзаменом представит и такое свидетельство (СТЕПУН, ук. соч., с.95).
  33. Не принимались заявления от служащих общественных учреждений и от лиц, зарегистрированных в иных учебных заведениях или уже имеющих ремесленную или другую самостоятельную специальность.
  34. С медиков, фармацевтов и естественников взимался еще и институтский сбор на поддержание оборудования соответствующих институтов: 5 марок, а для иностранцев — 25.
  35. Упражнения в семинарах, как правило, были бесплатные. Однако химические и физиологические лаборатории, а также анатомический театр оплачивались суммой от 50 до 100 марок за семестр, клиники — 25-40 марок.

36. Вс.Н.ИВАНОВ. Гул жизни. Повествование о времени и о себе. // Дальний Восток. 1989, N11, с.94. Всеволод Никандрович Иванов (1888-1971) — русский прозаик, автор повестей и романов "На Нижней Дебре", "Черные люди" и др. (См.: Русская литература Сибири. 1917-1970. Библиографический указатель. Часть II. Новосибирск, 1977, с.136-138. Одно время находился в эмиграции (в Тяньцзинь), где редактировал ежемесечник "Вестник Китая" (См.: Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий российского зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1990). М.: ГПИБ — ГБЛ, 1991, с.15.
37. ИВАНОВ, ук.соч., с.93-94.
38. Из письма Осипа Мандельштама матери, Флоре Осиповне Мандельштам (урожденной Вербловской), из Парижа от 7/20 апреля 1908 года; цит. по: О.МАНДЕЛЬШТАМ. Собрание сочинений. Том IV-дополнительный. Париж, 1981, с.109). Об этом же, неделей позже, — в письме любимому тенишевскому наставнику — Владимиру Гиппиусу: "Лето я собираюсь провести в Италии, а вернувшись — поступить в университет и систематически изучать литературу и философию" (Лит. обозрение, 1986, N7, с.109-110, публ. П.Нерлера).
39. В России — кроме Прибалтики, Польши и Финляндии — вплоть до специального ленинского декрета от 14.02.1918 действовал юлианский календарь. Мы и далее будем держаться григорианского календаря, там же, где требуется также и юлианский, мы будем давать уточнения в круглых скобках.
40. Семья Мандельштама переехала в квартиру по этому адресу осенью 1909 года.
41. Судя по тому, что предыдущие записи датированы 5 ноября, а последующие 18 ноября, матрикуляция все-таки происходила в определенный день недели. В тот же день, что и Мандельштам, матрикулировались более полусотни студентов. Среди них встречаем и тех, чьи имена еще всплывут ниже (например, Борис Кац).
42. Все говорит за то, что — не дождался. Еще одно подтверждение тому обнаружилось в довольно-таки неожиданном месте — в протоколе допроса арестованного в мае 1934 года поэта. Отвечая на вопрос: "Были ли вы за границей", он ответил, что "...был в 1910 году в Гейдельберге, где учился в университете — всего один семестр" (В.ШЕНТАЛИНСКИЙ. Улица Мандельштама. // Огонек. 1991, N1, с.20).
43. "Не желаете кофе, господин Мандельштам?" (нем.)
44. "Большое спасибо, фрау Джонсон, с удовольствием" (нем.).
45. "Мне очень жаль, но..." (нем.)
46. Многие находили квартиру сами, некоторые прибегали к услугам академического квартирного комиссариата, расположенного в главном университетском здании. (Обращаться туда рекомендовалось непосредственно, без квартиросдатчиков. Поскольку начало и конец семестров приходились на 15-е числа, то и концом месяца при помесечной оплате считалось именно 15 число. Если обучение занимало более одного семестра, то студент, если он хотел сохранить за собой квартиру, должен был оплачивать и каникулярное время.)
47. Сведения об этом мы находим в адресной книге Гейдельберга за 1909 год: Leopoldstrasse (Anlage), 30 — Johnson Harry, Kapitän Frau, Familienpension. В записной книжке Вячеслава Иванова значится: "Мандельштам Осип Эмильевич Heidelberg Continental Anlage 30" (Отдел рукописей Государственной библиотеки им.В.И.Ленина — совместно А.А.Морозовым). Сам Мандельштам в письмах называл этот дом еще проще: Anlage, 30. В адресной книге Гейдельберга впервые фамилия Джонсон встречается в 1900, в последний — в 1916 году.: в обоих крайних случаях хозяйки в городе не было и она фигурировала лишь как владелица здания (в 1916 г. она жила в Карлсруэ), но в год,

когда там жил Мандельштам, она вела пансион сама (в 1900 г., например, пансион вела вдова по имени Фрида Гирш)

48. Идентифицировать здание удалось не сразу. Во-первых, иначе теперь называется сама улица — Friedrich-Ebert-Anlage — в честь государственного деятеля послевоенной Германии, уроженца Гейдельберга. Здание под номером 30 существует как центральная часть роскошного розовато-желтого особняка, в одной из которых и по сию пору расположена гостиница с интригующим в свете нашей темы названием: HOTEL ANLAGE. Во-вторых, смущала нумерация: старейшая из служащих отеля предполагала, что нумерация домов здесь после войны менялась. Этого рода сомнения рассеялись после получения подтверждения из гейдельбергского городского архива (письмо Д.Вебер автору этих строк от 16.03.1992). В этом же письме разъяснено, что номер 30 имел, как и теперь имеет, центральное из трех зданий, составляющих единое архитектурное целое. (Таким образом, не содержит ошибки то, что говорится в последнем из вышедших литературных путеводителей по Гейдельбергу: "В доме 30 по ул. Фридриха Эберта (Anlage 30), в семейном пансионе "Континенталь", владелица которого носила несколько англазированной фамилию Джонсон, осенью 1909 и в начале 1910 проживал русский лирик Осип Мандельштам" (M.BUSELMEJER. Literarische Führungen durch Heidelberg. Eine Kulturgeschichte im Gehen. Winderhorn Verlag, 1991, s.29).
49. Тогда она называлась Wrehl-Platz (в честь какого-то генерала); ныне — Friedrich-Ebert-Platz.
50. Так называемая "Grüsser Fass", то есть "Большая бочка", объемом в 221726 литров, сооруженная — иначе и не скажешь — в 1751 г. при курфюрсте Карле Теодоре. Предание связывает ее с выходками знаменитого шута Перкео. Не менее удивительно, что, в отличие от московских "Царь-пушки" (никогда не стрелявшей) и "Царь-колокола" (никогда не звонившего), бочка эта с успехом служила, наполнялась и опорожнялась.
51. Сама фрау Джонсон (Степун называет ее фрау Капитэн) предстает в его воспоминаниях эдаким рубенсовским типажем: "...хозяйка пансиона... нарядною, высокогородною массою пышно восседала на конце стола" (СТЕПУН, ук. соч., с.152). Этот эпизод его гейдельбергской жизни, наряду с прочими, фигурирует в автобиографическом романе Ф.Степуна "Николай Переслегин" (издательство "Современные записки", Париж, 1929), выстроенном в форме эпистолярного монолога. К слову сказать, живя в Гейдельберге, Степун, кажется, не изменял той же самой Leopoldstrasse: в 1905-1907 гг. он жил в доме 14, в 1907-1908 гг. — в домах 36 и 79.
52. Так называли иногда отделение камералистики (соответствует современной политологии и социологии) на философском факультете.
53. Многие из них остались и на летний семестр, например Я.Альбрехт, Ф.Дюнгей, Г.Германнс и — номинально — Йозеф Мандельштам. Известно, что двое сменили адрес: Ф.Крайсс переехал на Untereckarstrasse, 19, а А.Росси — на Bunsenstrasse, 4, следы еще двоих теряются. На место выбывших (возможно, в доме были и летние помещения) прибыло сразу шестеро новичков, так что число постояльцев фрау Джонсон возросло до десятка. Перебрался сюда Фридрих Адлер, студент камералистики, уроженец Страсбурга, стоицы тогда еще немецкого Эльзаса (зимой он жил совсем рядом — на Leopoldstrasse, 34); вместе с братом Эрнстом, поступившим на юридический, переехал сюда и студент-медик Людвиг Леви из прусского тогда Позена (Познани) — в зимнем семестре Людвиг снимал жилье в Мангейме. Еще один новичок — медик Карл Демут (выходец из Пруссии). Двое новеньких — иностранцы: швейцарец из Лозанны Жорж Бурнье, записавшийся одновременно на юридический и теологический, и "австро-венгр" Курт Гольдшмидт из На-

хода, записавшийся на философский. (Эти сведения почерпнуты из двух выпусков Personal-Verzeichnis Ruprecht-Karl-Universität in Heidelberg, выпущенных к зимнему семестру 1909/1910 и летнему 1910 годов).

54. Далее младший брат продолжает: "В 1911 году <неточность: в 1910 — П.Н.> брат вернулся в Петербург. Закончить полный курс в Гейдельберге семья ему возможности не дала. И все же надо сказать, что занятия в Сорбонне и Гейдельберге брату очень многое дали, став основой его многогранного филологического образования. Немало дали ему они и как поэту. Мы должны быть благодарны матери, что она сумела выкроить из скудного бюджета семьи средства для учебы за границей своего даровитого первенца" (Е.Э.Мандельштам. Воспоминания. — Собрание Е.П.Зенкевич; цитаты впервые опубликованы в кн.: О.Мандельштам. Камень. 1990, с.345).

55. Археологическая коллекция была открыта еще в 1848 году; ее другое название — Antiquarium Greuzerianum: в честь профессора древней истории Георга-Фридриха Грейцера (1771-1858), стоявшего у ее основания. Первоначально состояла исключительно из античных гемм и vaz, древнегреческих и римских монет. Коллекция постоянно пополнялась за счет дарений и приобретений (в том числе "дублетов" из раскопанной Шлиманом Трои, электротипий нумизматической коллекции Британского музея и т.д.). Во времена Мандельштама коллекция экспонировалась по адресу: Augustiniengasse, 7.

В 1910 году, после того как в Гейдельберге в течение долгих лет проработал профессор Август Айзенлор, здесь был основан и Институт египтологии и начала складываться коллекция, в наши дни выставленная для общественного обозрения. Можно предположить, что и античное, и египтологическое собрание могли быть в той или иной мере доступны и известны Мандельштаму, так или иначе влияя на формирование отношения поэта к античной и египетской культуре. Это подтверждает также предположение А.А.Морозова о том, что в стихотворении 1931 года "Канцона" речь идет именно о Германии, о Гейдельберге:

Там зрачок профессорский орлиный, —
Египтологи и нумизматы...

56. СТЕПУН, ук. соч., с.100.

57. СТЕПУН, ук. соч., с.147-148.

58. Трудно отделаться от впечатления, что весь документ не составлялся в течение трех лет, а был написан в один или два присеста и был закончен единым махом торопливо-умелой рукой второго из подписавшихся. Иначе просто невозможно объяснить вопиющую скоропись и небрежность в его заполнении: ведь едва ли ими преследовалась цель несколько стилизоваться под не существовавшего и не существующего для них злостного — и поделом отчисляемого — неплательщика!

59. На ведомости типографская помета: "Дубликат, заполняемый студентом в заголовке и в графах 1а и 1б, содержит перечень лекций для квестуры". Стало быть, заполнена она самим Мандельштамом. В финансовой отчетности, откуда ее извлекли, она имела некий номер 838. Поскольку этот же номер — причем вслед за аббревиатурой "А" — фигурирует и во всех сводных выплатных листах (Zahlungsliste), заводившихся квестурой на каждый платный курс каждого профессора, то мы вправе сделать вывод: под этим номером фигурировало заявление, или прошение, Мандельштама именно на зимний семестр 1909/1910 года.

60. Попутно исправляем некоторые неточности названий курсов в публикации Т.Бейера. Часы, когда курсы читались, а также подзаголовки некоторых из них, почерпнуты из справочника "Anzeiger der

Vorlesungen der Grosserzogischen Badischen Ruprecht-Karls-Universität zu Heidelberg für das WinterHalbjahr 1909/1910" (Heidelberg, 1909, s.21-25). Сведения о количестве записавшихся содержатся в сводных выплатах в листах (Zahlungsliste), заводившихся квестурой на каждый платный курс каждого профессора.

61. См. СТЕПУН, ук. соч., с.101-102.
62. Сам он любил Италию настолько, что обзавелся там собственной виллой. В этой связи любопытна следующая указанная Г. Суперфином заметка: "Вдова немецкого историка искусств Генриха Тоде, скончавшегося в прошлом году в Копенгагене, вернулась недавно в Италию, где она собиралась поселиться в своей вилле. К своему удивлению, г-жа Тоде нашла свою виллу занятой писателем д'Аннунцио, который весь дом с ценными произведениями искусства "аннексировал", по собственному его утверждению, только временно. Все протесты г-жи Тоде и даже обращение ее к итальянскому правительству не привели ни к чему; д'Аннунцио разрешил г-же Тоде поселиться в маленьком домике во дворе. Г-жа Тоде через своего отца, известного датского юриста Шегнера, предприняла соответствующие шаги к освобождению своей виллы через датское Министерство иностранных дел" (Летопись Дома литераторов. 1921, N4, 20 декабря).
63. Выплатный лист с поименной росписью студентов этого курса за зимний семестр 1909/1910 г. в квестурном деле профессора Тоде отсутствует.
64. Имеется несколько ее научных изданий и стихотворных и драматических переложений.
65. Cl. BROWN. Mandelstam. London — New-York: Cambridge University Press, 1973, p.46.
66. Вместе с тем, как заметил тот же Кларенс Браун, это не помешало Мандельштаму, готовящемуся к университетскому экзамену, попросить прислать ему книгу именно Вильденбанда по истории античной философии (О. Мандельштам. Собрание сочинений. Нью-Йорк, 1972, том 3, с.197).
67. См. великолепное описание Виндельбанда у Арона Штейнберга (ШТЕЙНБЕРГ, ук. соч., с.103-104). В том же духе, хотя и гораздо более прочувствованно и пространно отзывается о Виндельбанде Ф. Степун: "Виндельбанд жил совершенно иначе, чем Тоде. Вместо лакея — скромная горничная. В квартире никаких далей: ни далей всемирного искусства, ни далей всемирной славы. В весьма буржуазной столовой, служившей и приемной, ждало уже несколько студентов в сюртуках. Горничная, как у врача, вызывала в кабинет профессора одного студента за другим. Не без трепета вошел я в доверку заставленный книгами и украшенный подвешенными под самым потолком — рамка к рамке — гравированными портретами великих философов, кабинет. С кресла у письменного стола навстречу мне слегка приподнялся грузный человек с очень большим животом и маленькой головкой на широких плечах; вместо шеи — красная складка над очень низким воротником. Таким я себе философа уж никак не представлял. Мне недоразумение длилось, однако, недолго. Сев в указанное мне бархатное кресло и взглянув в глаза ученого, я сразу же почувствовал, как этот "пивовар", как я сразу же окрестил его, — пивовар совершенно особенный. Передо мной сидел живой Сократ, каким Виндельбанд описал его в своих только что прочтенных мною "Прелюдиях": та же "втянутость головы в пухлые плечи", та же "внушительность висячего живота", та же характерная для грузных людей легкость движений. Сходство с Сократом почувствовалось мне и в невероятно живых, умных, остропроницательных, но отнюдь не созерцательных глазах и в настроенном выражении лица, точно ждущего ответа на "иронически" поставленный вопрос. Я слушал Виндельбанда в продолжение пяти лет и за это время так вжился в его философский пафос, так изучил его манеру чтения, привычку шарить

правой рукой по животу в поисках висевшего на длинной тесемке пенснэ, вскидывать пенснэ на нос, разглаживать двумя пальцами левой руки лежащую перед ним записную книжку... Виндельбанд был типичным немецким профессором своей эпохи, то есть преподавателем научной дисциплины, и только" (СТЕПУН, ук. соч., с.102-104). Ср. там же о речи Виндельбанда на открытии III Философского конгресса в Гейдельберге в 1908 году и об устном экзамене, который оказался "одной из самых интересных научно-философских бесед" в воспоминаниях Федора Степуна (там же, с.147-148 и 177-178). Кстати, и Виндельбанд, и Ласк — оба жили на Landfriedstrasse (первый в доме 14, второй — в доме 8). Это очень близко от временного жилища Мандельштама.

68. Между прочим, именно у Ласка писал свою докторскую работу "Der Begriff der Realitaet" ("О понятии реального") Арон Штейнберг. Защитить ее до начала войны он так и не успел, поскольку сам оказался в немецком гражданском плену (ШТЕЙНБЕРГ, ук. соч., с.173,175). С Эмилием, как он его называет (подчеркивая его еврейское происхождение) был хорошо знаком и даже дружен и Федор Степун (в одном из "гейдельбергских писем" его романа "Николай Переслегин" он выведен под фамилией Dehliis). О смерти Э.Ласка знал Ф.Степун, сам служивший артиллеристом в русской армии, к тому же в Галиции (см. его "Из писем прапорщика", с. 152-154). Вероятно, знал о ней и Осип Мандельштам; на это предположение наводят и параллели к судьбе другого немецкого офицера, убитого в боях с русскими, — поэта Эвальда Кристиана Клейста; на ней "замешано" стихотворение "К немецкой речи".
69. Уже после его смерти, в 1923-1924, в том же Тюбингене вышли его "Избранные сочинения в трех томах". См. об Э.Ласке также: К.Hobe. Zwischen Rickert und Heidegger. Versuch über eine Perspektive des Denkens von Emil Lask.// Philosophisches Jahrbuch 78.Jg., 2 Halbband (1971), s.360-376; К.Hobe. Emil Lask's Rechtsphilosophie. // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie LIX/2 (1973), s.221-235. — Н.Росшофт. Emil Lask als Lehrer von Georg Lukach. //Abh. zur Philosophie, Psychologie und Padagogik. Bonn, 1975.
70. Небольшая комнатка на "Вилле Дорнрошн" на улочке Клингентайх близ замка стоила ему 13 марок, или шесть с половиной тогдашних рублей, в месяц, причем в цену входили утренний кофе, освещение и уборка. Пообедать — впрочем, невкусно — в дешевом ресторанчике можно было пфеннигов за шестьдесят (СТЕПУН, ук. соч., с.100-101 и 107-108).
71. Из одноименного стихотворения, написанного в Гейдельберге в декабре 1909 г.
72. В.ПЯСТ. Встречи. М., 1929, с.139. О том, что стихи Мандельштама "были приветствуемы Вяч.Ивановым", записал позднее (18.08.1910, возможно, со слов Мандельштама) в своем дневнике и С.П.Каблуков.
73. Свидетельство N 10153 о сдаче с оценкой "удовлетворительно" (ЛГИА, ф.14, оп.3, ед.хр.59170, л.6). В Тенишевском коммерческом училище, которое Мандельштам окончил в 1907 году, латынь и греческий не изучались.
74. Здесь и далее цитаты из писем В.Иванову даются по публикации: А.А.Морозов. Письма О.Э.Мандельштама к В.И.Иванову. // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып.34. М., 1973, с.258-274. Автографы писем и приложенных к ним стихотворений Мандельштама хранятся в архиве В.И.Иванова (ГБЛ. ф.109, к.29, ед.хр.66 и к.45, ед.хр.37).
75. См. О.Э.Мандельштам в переписке семьи (публ. Е.П.Зенкевич, А.А.Мандельштама и П.М.Нерлера).//Слово и судьба. М., 1991, с.55-56.
76. Группа курортов Монтрё расположена в кантоне Ваад, столицей которого является Лозанна. Превосходную связь с Лозанной, Женевой и

всем миром призван олицетворять весьма торжественный, хотя и крохотный вокзал, построенный в 1901-1902 г. Высящийся над городом пик Рошерш-де-Найе (2045 м.) очень величествен и красив. Монтрё — климатический и водный курорт (хлористо-магnezийные, щелочно-соленые, теплые серные источники), популярный у легочных, золотушных, малокровных и нервных больных. Мягкий, стабильный, умеренно-влажный микроклимат, великолепный столовый виноград Местность Монтреух-Territet, где жил Мандельштам (по всей видимости, вместе с матерью и младшим братом) — юго-восточная оконечность Монтрё. Во времена Мандельштама это была маленькая деревушка с восхитительным видом на горы, озеро и опоясанный пальмовым променадом мыс, на котором расположились казино и все шикарные отели собственно Монтрё (они действовали круглый год, точнее, с перерывом на два зимних месяца — декабрь и январь). За алтарем англиканской церкви (см. ниже) притулилась нижняя станция фуникулера, ведущего в деревушки Глион (Glion) и Ко (Saux). Основанный в 1883 году, он скрипел и при Мандельштаме (старинный, тех времен, вагончик стоит нынче на вечном приколе своеобразным памятником; современные же, без водителей и контролеров, шныряют вверх-вниз каждые четверть часа, суля за три с половиной франка и за четыре минуты вознести любого желающего на плато над Монтрё). В Террите находились и корты теннисного клуба, основанного в 1890 году (они располагались в тесном треугольнике между променадом и вознесенной на опорах железной дорогой). Поразителен сам променад, связывающий Террите с центром курорта: даже зимой — самшит, пальмы, магнолии, аромат вечнозеленого. На горах между тем снег; на озере часто густой туман; очертания противоположного берега едва угадываются, хотя к полудню солнце уже знает, что делать с туманом. Публика на променаде классически праздная, нарядная: и в самую солнечную погоду можно встретить даму, а то и кавалера в норковой шубе до пят. Очень ласково и преданно плещется Леман; на галечном пляже много уток и чаек, но чайки помалкивают, не кричат. Исключительной красоты зрелище являют собой местные закаты: солнце заходит за гористый горизонт противоположного берега озера.

Найти сведения о пансионе L'Abri пока не удалось.

77. Беатенберг — горный курорт на возвышенной террасе у Тунского озера в Бернском кантоне, в 5 км от Интерлакена. Славился лучшими в Швейцарии климатическими условиями и великолепным видом на Бернские Альпы.
78. "Делайте ставки, господа! — внимание, господа, ставок больше нет!" (франц.).
79. Крупье (франц.) — распорядитель в игорном доме: следит за игрой, выдает выигрыши и забирает проигрыши.
80. Английская община, по-видимому, была примечательной особенностью Монтрё. Возле железнодорожной станции Territet расположена англиканская церковь святого Иоанна. Небольшой садик перед ней украшен великолепным мраморным памятником в память и в честь приезда сюда Ее Величества королевы Елизаветы Английской (скульптор Ант. Хиатоне, Лугано).
81. Рихард Демель (1863-1920) — немецкий поэт, вместе с А. Стриндбергом входивший в группу "Черный поросенок", друг Д. фон Лилиенкрона. Находясь под сильным влиянием философии Ницше, воспевал несокрушимую власть Эроса, был одним из основателей журнала "Пан". Творчески примыкал к импрессионизму. Выходу в 1906-1909 гг. собрания его сочинений предшествовали сборники "Стихотворения" (1891), "О любви" (1893), "Листья жизни" (1895), "Женщины и мир" (1896); в 1913 г. вышел сборник "Прекрасный дикий мир".
82. К слову сказать, сам журнал должен был как раз появиться на свет: его первый номер вышел 25.10.1909.

83. Автограф — ЦГАЛИ, ф.6, оп.1, ед.хр.350 (почтовая карточка).
84. Нам сообщены А.А.Морозовым. Комментаторы "Камня" ссылаются на следующий источник: ИВАНОВ В.И. Собр. соч. в 4 томах. Брюссель, 1974, т.2, с.801-803. Приведем также выдержки из записной книжки В.И.Иванова: "Флора Мандельштам. Моховая, 27, кв.55 (до 24 сентября), потом Загородный пр., 70; Мандельштам Осип Эмильевич. Heidelberg Continental Anlagen 30".
85. Автограф этого и другого письма Волошину — ИРЛИ, ф.562, оп.3, ед.хр.818; стихи хранятся отдельно (оп.6, ед.хр.149). Оба письма (правда, второе в качестве приписки к первому) были опубликованы в статье В.Н.Купченко "Осип Мандельштам в Киммерии". // Вопросы литературы. 1987, N 7, с.187-188.
86. См.: О.МАНДЕЛЬШТАМ. Камень. Л., 1990, с.344. К сожалению, комментаторы не указывают источник своих сведений. Мы вынуждены принять их датировку, не имея иных сведений о поездке Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус за границу. Аргументом за эту датировку является то, что реалии стихотворения "В холодных переливах лир..." первым приложенного к письму Мандельштама Волошину, ближе скорее к сентябрю (молодое вино, сжатые колосья), чем к ноябрю; аргументом против является то, что поэт подписался студентом философского факультета: все-таки вряд ли бы он это сделал до имматрикуляции, а она, как было уже показано, состоялась только 12-13 ноября 1909 года. Однако следующая поездка Мережковских в Германию, сведениями о которой мы располагаем, состоялась в августе 1910 г.: Мережковский во Фрайбурге — вместе с Л.Шестовым, Ф.Степуном, С.Гессеном и Н.Бубновым — участвовал в организованном Риккертом обсуждении замысла русского издания международного философско-культурологического журнала "Логос", издававшегося в Тюбингене (ШТЕЙНБЕРГ, ук. соч., с.222-223).
87. Вероятно, проездом из Франкфурта-на-Майне в Берлин. В начале 20-х числе сентября Д.С.Мережковский был уже в Петербурге. См.: О.МАНДЕЛЬШТАМ. Камень. Л., 1990, с.344.
88. Наверное, возможна аналогия с ситуацией, столь примерно, возвышенно и обстоятельно описанной Борисом Пастернаком в "Охранной грамоте" и стихах марбургской поры; у Пастернака спор также решился не в пользу философии (как, впрочем, и не в пользу предмета увлечения). Заметим, что эпидемия влюбленности буквально свирепствовала среди российского студенчества в Гейдельберге: приезжая сюда нередко в возрасте 19 или 20 лет, по существу впервые предоставленные самим себе, без какой бы то ни было опеки со стороны семьи, студенты, в сущности, были обречены! Разумеется, это касалось не только поэтов: достаточно вспомнить те невероятные по насыщенности любовные переживания, которые выпали на долю Ф.Степуна или В.Зензинова, подробно описавших их в своих мемуарах.
89. Помета: "Heidelberg" на беловике этого стихотворения, по предположению А.Г.Меца, более поздняя, чем сам автограф (см. О.МАНДЕЛЬШТАМ. Камень. Л., 1990, с.318).
90. А.Г.Мец — комментатор "Камня" — связывает идею числа как организующего начала с "Послезакониями" Платона (О.МАНДЕЛЬШТАМ. Камень. Л., 1990, с.318). Уместной представляется и ссылка на эссе А.Лурье "Детский рай", где сказано: "...в ней музыка чисел и образов, как у Платона и пифагорейцев, находящаяся вне личного переживания или чувства" (Воздушные пути. Альм. З. Нью-Йорк, 1963, с.170).
91. "Песней без слов". (В безбрежной тоске...) (франц.) — начало стихотворения П.Верлена из его книги "Песни без слов".
92. "Слова" (франц.).
93. Известна первоначальная редакция этого стихотворения. Приводим

ее целиком, поскольку она очевидно относится к гейдельбергскому периоду:

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
Ибо, если в жизни смысла нет,
Говорить о жизни нам не след.
Я еще довольню сердцем дик.
Скучен мне понятный наш язык.
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:
Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

94. Вне "подозрений", например, такие стихотворения из основного корпуса как "На бледно-голубой эмали..." и "Невыразимая печаль..." (по содержанию относятся к весне).
95. Справедливости ради, мы должны были бы упомянуть еще два стихотворения, приходящихся на первую половину 1910 года. Это стихотворение "Когда моззик никнут травы...", автограф которого вклеен в дневник С.П.Каблукова за 24 сентября 1910; на автографе помета — "Лугано", и, по-видимому, прав А.А.Морозов, относящий это стихотворение к началу года и ко времени поездки Мандельштама из Гейдельберга в Италию. Более чем вероятно предположить, что Мандельштам отправился в Италию в наступившие по окончании семестра каникулы и оттуда уже перебрался в Россию. Второе стихотворение — "Листьев сочувственный шорох..." — твердо датируется маем 1910 года, когда Мандельштама наверняка в Гейдельберге не было.
96. См.примеч. 1.
97. Исаак Штейнберг учился в Гейдельберге одновременно с братом; был видным деятелем партии левых эсеров; возглавлял наркомат юстиции в первом большевистско-левоэсеровском правительстве 1917-1918 годов. См. его книгу "От февраля по октябрь 1917 г." (Берлин, изд."Скифы", 1922) и статью "Дантоново и Робеспьерово начало в революции" (в сборнике "Пути революции" // Берлин, изд. "Скифы", 1923). Тогда же в Гейдельберге учился и другой министр этого правительства — Борис Камков (см.ниже). Стоит отметить, что в Гейдельберге учились и некоторые члены Временного правительства, сметенного большевистским переворотом, в частности Абрам Рафаилович Гоц (1882-1940; в Гейдельберге — три летних семестра 1901, 1902 и 1904 гг.) и легендарный Борис Викторович Савинков (1879-1925; в Гейдельберге — летний семестр 1901 и зимний 1901/1902).

Роза-Мейер Левине, вдова германского революционера (русского происхождения) Евгения Левине, пишет в своих воспоминаниях о муже: "Впервые я увидела Евгения Левине в Гейдельберге в начале 1910 года. Город был полон русскими революционерами"(R.MEYER-LEVINE. Levine: Leben und Tod eines Revolutionars. Carl Hanser Verlag, München, 1972, s.7-9; она упоминает имена братьев Штейнбергов, революционного писателя Ольгина и др.). Само по себе такое средоточие "эсеровского элемента" в русском Гейдельберге знаменательно и вряд ли случайно. И особенно наивными представляются в этом свете тайные упования бедных еврейских родителей, посылавших своих сыновей за границу не только ради университетского образования, но еще и уберегая их от опасной для молодых голов революционной заразы!

98. ШТЕЙНБЕРГ, ук. соч., с.5. В своем очерке о Льве Шестове Штейнберг подробно рассказывает о его приезде в Гейдельберг в августе 1910 года ради знакомства с заочным почитателем, предложившим ему услуги переводчика "Философии трагедии" и "Апофеоза беспочвенности" на немецкий язык. Несколько неожиданно для Штейнберга "беспочвенник" оказался рыжебородым киевским евреем (того, что настоящая фамилия Шестова — Шварцман, Штейнберг не знал). Штейнберг водил соотечественника по городу и по замку, показывал ему "тропу философов" (Philisophenweg) на противоположном берегу и соперничавшую славой с университетом знаменитую "царь-бочку", как он ее окрестил.
99. И дело, как мне кажется, не в том, что Мандельштам был на виду у Штейнберга в 1909/10 годах, а воспоминания начинаются с 1911 года! Неупоминание Мандельштама, которого он хорошо знал, представляется мне сознательным и продуманным: ведь даже Ахматовой и Гумилеву, с которыми Штейнберг был едва знаком, посвящены целые абзацы и страницы. Думается, что сыграла свою роль своеобразная солидарность Штейнберга с Андреем Белым (на которого Мандельштам в 1922-1923 гг. несколько раз нападал в печати) и с Аркадием Горнфельдом, чей конфликт с Мандельштамом в 1928 году достаточно хорошо известен, а может быть, — и отношение к своему еврейству, о котором вспоминает сам Штейнберг. Тем не менее осмелимся высказать предположение, что упоминания Мандельштама могут обнаружиться в письмах Штейнберга родителям из Гейдельберга (частично они хранятся в Лондоне у его ближайшей сотрудницы последних лет жизни, Анны Григорьевны Клаузнер), а также в его архиве, поступившем, по предположению А.Г.Клаузнер, в The Store of Old Papers в Израиле.
100. Сl.BROWN. Mandelstam. Cambridge University Press. London, 1973, h.45-46. Обстоятельную ссылку на этот эпизод содержат комментарии А.Г.Меца к изданию "Камня" в серии "Литературные памятники".
101. Рассказ Штейнберга завершался замечаниями о посещении Мандельштамом лекций Неймана, Виндельбанда и Ласка (мы уже коснулись этого выше). Что касается подлинного отношения Мандельштама к еврейству, то об этом он ярко и откровенно написал в собственной автобиографической прозе "Шум времени".
102. См. примечания к опубликованным В.Захаровым (А.Рогинским) воспоминаниях Б.А.Бабиной "Февраль 1922" (Минувшее. Исторический альманах. Выпуск 2. Париж, 1986, с.39-43). Заметим также, что позиции гейдельбержца и левого эсера, члена первого и последнего послеоктябрьского коалиционного правительства Камкова во многом совпадали с позицией другого гейдельбержца и члена того же правительства Исаака Штейнберга, писавшего дипломную работу — "Учение о преступлении в талмуде. Юридическо-догматическая штурдия" — у того же профессора Либиенталя (1910).
103. Цитирую (с сохранением стиля и пунктуации) "Постановление":
 "Вывешивание т.Александром объявления признается... неправильным, но не объявляется проступком, так как существовали прецеденты и отсутствовал злой умысел...
 Поступок т.Хаинского с разрыванием объявления признается некорректным. Но еще более некорректными признаются дальнейшие выражения т.Александра "ложь" и т.п. Таким образом в полной некорректности виноваты оба.
 В нарушении обязанностей т.Александр признается виновным, так как 1) не мог считать, что обычные обязанности заключаются только в дежурстве и что техническое заведывание читальней входит в число сверхурочных, и 2) не мог считать себя освобожденным от этих последних по одному слову т.Хаинского, сказанному в пылу спора. 3) благодаря этому, из-за личной обиды страдали интересы читальни.
 В объявлении специального собрания т.Хаинский формально впол-

не прав, хотя суд считает, что предварительное обсуждение этого в правлении было необходимым.

Запись т.Мальцева об "удивлении" суд считает совершенно недопустимой; но этот инцидент исчерпан тем, что тов. Мальцев желал примирения и предложил извиниться, чему т.Хаинский не пошел на встречу, что было также некорректным. Тов.Мальцев вел себя впоследствии безупречно.

Т.Островская подтвердила, что у нея были обязанности согласьем их продолжать. Суд считает ее, как и т.Александра, не исполнившими своих обязанностей".

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Город	7
Университет	13
Студент	21
Поэт	41
Примечания	65

В оформлении книги использованы:

- виды Старого Гейдельберга, в том числе Университетской площади и аулы Старого Университета — из фотособрания Bildarchiv Foto Marburg;
- фотография дома, где жил Мандельштам, — из городского архива Гейдельберга;
- фотографии Album Matriculorum, записей о Мандельштаме в университетских документах, портрет доцента Эмиля Ласка — из Университетского архива Гейдельберга;
- автограф стихотворения "Ни о чем не нужно говорить..." — из семейного архива О.Э.Манделштама (в настоящее время — в Принстонском университете, США);
- конверт и автографы стихотворений О.Манделштама из числа присланных им из Гейдельберга Вячеславу Иванову — из рукописного отдела Российской государственной библиотеки (ф. 109);
- открытка О.Манделштама — из семейного архива Е.Э.Манделштама.

Записки Мандельштамовского общества

Том 3

Павел Нерлер

Осип Мандельштам в Гейдельберге

Редактор *С.Яковенко*
Компьютерная верстка *В.Данича*

Фотоофсет. Подписано к печати 15.10.93.
Формат 84х108/32. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 4.20.
Усл. кр. отт. 4.20. Уч.-изд. л. 5.00. Тираж 1000 экз. Заказ № 518

Издательство «АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР»
103055, Москва, ул. Новослободская, 57/65, тел. 973-36-65
Лицензия № 060920 от 30.09.92 г.

Можайский полиграфкомбинат Комитета
Российской Федерации по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93

16 января 1993 года на том гейдельбергском доме, где жил Осип Мандельштам, была открыта мемориальная доска. На доске — в немецком переводе — цитата из статьи Мандельштама «Слово и культура»:

«ПОЭЗИЯ – ПЛУГ, ВЗРЫВАЮЩИЙ ВРЕМЯ».

Далее следует текст:

«Во время учебы в Гейдельбергском университете в 1909-1910 в этом доме жил русский поэт Осип Мандельштам. Родился 15 января 1891 в Варшаве, умер 1938-39 ? в неизвестном лагере в СССР».

Вопросительность последних слов — не неточность, а своего рода знак сложившегося восприятия на Западе судьбы Мандельштама.

Мандельштамовское общество

*Poesie ist der Pflug,
der die Zeit umkehrt.*
Ossip Mandelstam

Während seines Studienaufenthalts 1909-10 wohnte der russische Dichter Ossip Mandelstam in diesem Haus. Geboren 15. Januar 1891 in Warschau gestorben 1938-39? in unbekanntem Lager in der UdSSR.